

ЛЕГЕНДАРНЫЕ РАЗВЕДЧИКИ 3

Николай
Долгополов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Жизнь замечательных людей (Молодая гвардия)

Николай Долгополов

Легендарные разведчики-3

«ВЕБКНИГА»

2021

Долгополов Н. М.

Легендарные разведчики-3 / Н. М. Долгополов — «ВЕБКНИГА»,
2021 — (Жизнь замечательных людей (Молодая гвардия))

ISBN 978-5-235-04651-1

Новая книга известного автора посвящена 100-летию создания отечественной внешней разведки ИНО — ПГУ — СВР. Главная ее особенность: новые, только что открытые герои, в основном разведчики-нелегалы. Некоторых из них, а также их жен и боевых спутниц автор знал лично. Вы познакомитесь с Героем Советского Союза Михаилом Васенковым, ушедшим в разведку еще во второй половине 1970-х, с Героями России Юрием Шевченко и Виталием Нетыксой и несколькими другими выдающимися разведчиками, чьи подвиги буквально до последних месяцев были под грифом «Совершенно секретно», узнаете имя первого послевоенного Героя Советского Союза среди разведчиков. Специально для этой книги частично рассекречены личное дело великого Кима Филби и добытые им важнейшие документы. Вам будет представлен таинственный нелегал из Берлина, работавший под оперативным псевдонимом «Топаз», о котором знаменитый генерал Маркус Вольф (и он присутствует в этой книге) говорил, что его настоящее имя никогда не будет предано огласке, а автор приводит откровеннейшую исповедь этого фантастического разведчика. В Шотландии автор общался с прототипом Джеймса Бонда — сэром Фицроем Маклином, который под прикрытием дипломата работал в Москве еще в 1930-е годы и закончил свою успешную деятельность в 1990-х годах.

ISBN 978-5-235-04651-1

© Долгополов Н. М., 2021

© ВЕБКНИГА, 2021

Содержание

Защита от внешних угроз	7
Старейший чекист России: Борис Игнатьевич Гудзь	10
При нем разведка знала всё: Павел Михайлович Фитин	25
День Ангелова: Павел Никитич Ангелов	36
Первый Герой: Герой Советского Союза Владимир Ильич Горовой	44
Жаркое лето в Бейруте: Юрий Николаевич Перфильев	48
Приказ спасти французов: полковник «Иван Иванович Иванов»	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Николай Долгополов

Легендарные разведчики-3

100-летию ВЧК – ПГУ – СВР посвящается

Защита от внешних угроз

Дорогие мои читатели! Многих героев книги «Легендарные разведчики-3» мне выпало счастье знать лично.

Со скепсисом отношусь к разного рода юбилеям. Не мое это – подгонять подвиги под даты. Но не под эту. 20 декабря 1920 года была создана советская внешняя разведка – ИНО, потом переименованная в Первое главное управление. В новой России – это Служба внешней разведки.

Хотим мы того или не очень, однако все мы с ней связаны, возможно, и не подозревая об этом. Именно внешняя разведка тихо, неброско, без шума во многом обеспечивает безопасность страны, где мы проживаем. Это она защищает Россию и нас от внешних угроз. А они, тут и убеждать никого не надо, никуда не исчезли.

Когда за «Легендарными разведчиками-1» последовали благожелательно принятые вами «Легендарные-2», был не уверен, последует ли продолжение. Не потому, что иссяк запас настоящих героев разведки. Их – немало, но, как и положено, многие еще не раскрыты.

А хотелось рассказать о славных и героических людях. Незаметных, терпеливых, преданных, мужественных, очень рискованных. Со всеми, без единого исключения, общаться приятно, радостно. Порой приходит невольное ощущение: они выше, чище, образованнее. До героев разведки мне, нам еще тянуться и тянуться.

Открывает занавес старейший чекист России Борис Игнатьевич Гудзь – это самые истоки, времена Феликса Дзержинского, Артура Артузова, организация и становление предтечи внешней разведки – ИНО. А при начальнике разведки военных лет Павле Михайловиче Фитине наша разведка знала все. Вот только имя и дела Фитина по разным причинам подзабылись. Что же, давайте обязательно вспомним.

О многих соратниках Абея – Фишера, Вартадяна, Филби ... известно не просто немного, а мало, совсем мало. И директор Службы внешней разведки Сергей Евгеньевич Нарышкин понял это и в начале 2020 года, сняв гриф секретности, раскрыл имена нескольких наших выдающихся разведчиков.

С изумлением понял: с некоторыми из них уже знаком, о других слышал от их близких. Готовя десять лет назад книгу о первом Герое Советского Союза среди разведчиков-нелегалов Геворке Андреевиче Вартадяне, встречался с его соратником – полковником Юрием Шевченко. Он много чего поведал о Вартадяне и о себе. Горжусь, что присутствовал на торжестве, когда Юрию Анатольевичу, пусть и вдали от наших глаз, президент Владимир Путин вручал Звезду Героя. И теперь в «Легендарных разведчиках-3» о Юрии Анатольевиче Шевченко можно рассказать гораздо подробнее.

Тогда же состоялся разговор с Героем Советского Союза нелегалом Михаилом Анатольевичем Васенковым. Это интервью, полагаю, в силу разных причин единственное, которое дал в своей жизни Васенков, предлагается вашему вниманию.

Еще до этого судьба свела с полковником-нелегалом Тамарой Ивановой (фамилии не знал), которая рассказывала о своем учителе – знаменитой разведчице Африке де лас Эрас. Упомянула полковник – без особых подробностей – о муже, вместе с которым на десятилетия ушла в разведку. Теперь имя генерала, Героя России Виталия Вячеславовича Нетыксы рассекречено. И рассказ не просто полковника-нелегала Тамары Ивановны, а Тамары Ивановны Нетыксы кажется мне настоящим признанием в любви к недавно ушедшему из жизни мужу-Герою.

Как переживала во время наших прежних встреч еще один полковник Людмила Ивановна Нуйкина, что не может раскрыть имя мужа-нелегала, к сожалению, скончавшегося. А

в этой книге Виталий Алексеевич Нуйкин и его славные дела представлены относительно подробно.

Не сочтите нескромным, но именно в «Легендарных разведчиках-3» в первый раз приведено имя Владимира Горового. Вряд ли оно, суперзасекреченное, вам встречалось. Мы познакомились и случайно, и не случайно: выступали перед школьниками, кадетами. И только тогда до меня дошло: а ведь Владимир Ильич Горовой – это первый среди всех разведчиков Герой Советского Союза послевоенной эпохи. Глава, скорее главка о нем, небольшая. Зато открытие Героя все-таки произошло.

Но это далеко не все тайны, раскрытые в «Легендарных разведчиках-3». Мы уж точно первыми за послевоенные 75 лет сможем заглянуть в один из томов личного дела Кима Филби и перелистать несколько страниц. По распоряжению директора СВР с десятка документов «Топ секрет», добытых великим Филби, снят гриф секретности. Теперь они перед вами.

Впервые познакомьтесь с биографией сержанта Бориса Иванова из Вологды, который еще в начале войны полностью обставил абвер в радиоигре «Хозяин», а потом дорос до первого заместителя начальника всей отечественной внешней разведки. Решился рассказать о старом знакомом, тогдашнем дуайене внешней разведки генерал-лейтенанте Вадиме Алексеевиче Кирпиченко. Именно он был наставником первого директора Службы внешней разведки академика Евгения Максимовича Примакова. А еще дружил, что не менее важно, с президентом Египта Гамалем Абдель Насером и со многими лидерами стран Ближнего Востока.

За те почти три десятилетия, что пишу о разведке, мне была предоставлена честь общения со многими ее героями. Среди них Виталий Коротков и Георгий Санников. Обоим – за 90. Виталий Викторович, которого считаю кладезем знаний, помог понять, кто же такая на самом деле Ольга Чехова – родственница великого Чехова, киноактриса рейха, любимица Гитлера. И к тому же наша разведчица? Или нет? А Георгий Захарович, хотя в наши 2020-е годы в это сложно поверить, гонялся еще после войны за бандеровцами. Их ловили, перевербовывали, обращали в нашу веру или уничтожали – рассказ очень жесткий, самокритичный – оттого и ценный.

Разведка немыслима без помощи друзей. Мне посчастливилось в течение нескольких лет находиться в контакте с генералом Маркусом Вольфом. Он человек везучий, и я наудачу носил в своем кошельке визитную карточку генерала с написанными им от руки номером мобильного телефона и электронным адресом. Созданная Вольфом Служба внешней разведки ГДР считалась лучшей, или одной из лучших, в мире. В главе о Маркусе – и он, и целая галерея его феноменальных агентов. Кроме одного – «Топаза», самого ценного, о котором, как уверял меня Вольф, время говорить еще не пришло. Однако время идет и летит. Недавно «Топаз» приезжал в Москву. И искренне надеюсь, что наша долгая и откровеннейшая беседа с разведчиком Райнером Руппом, он же «Топаз», и его женой, оперативный псевдоним «Бирюза», не останется вами незамеченной.

И для меня самого удивительно, но уж так получилось, что был лично знаком с двумя шпионами, против нас работавшими. Шотландец Фицрой Маклин, прототип агента 007 Джеймса Бонда, начинал еще в середине 1930-х годов под дипломатическим прикрытием и продолжал аж до середины 1990-х. Волею обстоятельств пригласил меня сначала в шотландское Глазго, а потом и в свое поместье. А вот другой человек, с которым я около пяти лет трудился во Франции, не приглашал никуда. Мы сидели с ним рядом на посольских собраниях, оба были заядлыми теннисистами, но я и предположить не мог, что он – завербованный английский агент, который на моих глазах, сбежав из Парижа, предал всех, кого только мог. Как это произошло? Прочитаете и узнаете.

Разведка немыслима без мифов. И в заключительной главе я пытаюсь разъяснить, что здесь ложь, вымысел, а что – правда. Помогает в этом дочь писателя Юлиана Семенова, кото-

рого без сомнения признаю отцом-основателем целого литературного направления, к которому и себя причисляю.

Благодарю вас, мои дорогие читатели, за внимание к книге, за интерес к разведке, вступающей во второй век своей славной, сложной, порой непредсказуемой истории. Счастлив, что мы по-прежнему вместе. Кто знает, быть может, нам еще предстоят новые встречи и новые открытия?

*Ваш Николай Долгополов,
дважды лауреат литературной премии Службы внешней разведки*

Старейший чекист России: Борис Игнатьевич Гудзь

Бригадный комиссар ЧК Борис Гудзь скончался в 2006-м на 105-м году жизни.

Мы познакомились с ним за два дня до его столетия. Пришел в ЧК в 1923-м. Участвовал в знаменитой операции «Трест», когда чекисты, создав мифическую подпольную организацию монархистов, семь лет дурачили лютых врагов из эмиграции, которые в результате фактически прекратили диверсионную работу против СССР. Под фамилией Гинце возглавлял легальную резидентуру в Токио. Вернувшись домой, больше года координировал работу группы Рихарда Зорге – «Рамзая» в Японии.

Уволенный из ЧК в 1938 году «за связь с врагами», он чудом избежал ареста. И сразу пересел за руль автобуса, возившего народ по маршруту Белорусский вокзал – Черемушки.

Его не пощадили, а забыли. И лишь в конце 1960-х вспомнили, «простив» несуществующие грехи. Для начала пригласили консультантом четырехсерийного фильма «Операция «Трест»», ставшего одним из пионеров советских телевизионных сериалов. Борис Игнатьевич даже сыграл крошечную роль – молодого чекиста Борю Гудзя.

Потом стали приглашать на Лубянку, внешняя разведка выделила ему заботливого помощника, который до сих пор вспоминает, как ему повезло и сколько от Бориса Игнатьевича он всего услышал.

Гудзь был последней инстанцией и ставил точку в возникавших спорах по поводу давних исторических событий, почти все участники которых или были уничтожены ежовским молохом, или уже ушли. А он, когда было ему уже за 100, в третий раз женился и на 103-м году катался на лыжах, спрашивая у меня, брать ли в санаторий свои, скоростные динамовские, или бегать на убогих санаторных.

Не уставал от моих бесконечных вопросов. Третья жена, Татьяна Демьяновна, степенная и очень спокойная женщина лет семидесяти, смотрела на меня порой с укоризной. Гудзь тихонько признавался: «Все время повторяет: Борис Игнатьевич, давайте заканчивайте эти дела. Я ей: а жить как? Чтобы жить, надо работать. И потом, эта работа придает мне на второй сотне лет жизненную энергию. Я должен работать».

Наверное, была в этом и еще одна причина наших постоянных встреч, его абсолютной безотказности. Жил Гудзь не небогато, а бедно. И эта бедность корбила меня. Видя, как подается чай с простеньким дешевым печеньем, я предложил делить гонорар за наши совместные публикации поровну. Бригадный комиссар согласился. Все было по-честному: порой без него мне было невозможно разобраться в некоторых чекистских хитросплетениях 1920-х годов.

Операция «Трест», одним из участников которой был Гудзь, потрясала и запутывала обилием имен и оперативных псевдонимов, к тому же постоянно меняющихся. И почему в начале оперативной игры с нашей стороны было так много поляков? Гудзь спокойно объяснял: а кем был Дзержинский? Он успел скорее даже не перевербовать – обратить в свою пролетарскую веру многих соотечественников, поначалу сражавшихся на другой стороне. Чрезвычайке были нужны, и очень срочно, профессионалы. Усилий и, главное, познаний своих сотрудников, только-только осваивающих работу контрразведчиков и разведчиков, явно не хватало. А польские товарищи приходили на Лубянку с одной фамилией, потом меняли ее на вторую, иногда и третью. Порой казалось, что Борис Игнатьевич ошибается в именах: да, сначала был Кияковский, потом почему-то ставший Стецкевичем. Я переспрашивал, он терпеливо объяснял. И чтобы мне окончательно не запутаться в этом лабиринте, Гудзь без всяких лишних просьб вычертил разноцветными карандашами несколько таблиц с линиями, как он говорил, всех действующих лиц «Треста». И еще посоветовал поменьше читать «нынешних авторов, пишущих об этой операции и берущих материалы с неба».

Уже после смерти Бориса Игнатьевича мне попала статья серьезного историка, полковника отставника, в которой тот жестко критиковал своего собеседника Гудзя за то, что он брал деньги за консультации. Стало обидно за них обоих. У беспощадного полковника была своя честно заслуженная военная пенсия: если разок и заплатил, то наверняка на бедном старике не разорился. Гудзь в свои под 100, а потом и за 100 лет боролся за правду и раскрывал ее. В этом возрасте трудиться ему было наверняка сложнее, чем военному писателю-моралисту. Знаю это, потому что в конце первого года нашего с Борисом Игнатьевичем сотрудничества он обратился ко мне с честной просьбой: не всегда успевает за моими вопросами, нельзя ли оставлять их у него за несколько дней до беседы, чтобы он мог лучше подготовиться. Что скажешь, настоящий профессионал.

Мы проработали с Борисом Игнатьевичем – он, истый чекист, предпочитал трудиться в поздние вечера – четыре года. Я, типичный жаворонок, уезжал от него на последнем поезде метро со станции «Спортивная», а встречавшая дома жена передавала: звонил Гудзь, просил перезвонить. И он мне разъяснял, проверял и перепроверял.

Многое сделав, мы многое не успели. Взялись было за книгу о Менжинском. Гудзь хотел издать новую, честную биографию преемника Дзержинского, но... Не публиковать же мне пару написанных вместе и вчерне глав, раскрывающих наши современные широко закрытые глаза. Это было бы как-то нечестно.

На похороны Гудзя в самом конце декабря 2006 года, которые прошли там, где хоронят многих чекистов, собрались десять человек, считая нас с писателем Теодором Гладковым. Зато все мы услышали прощальный залп почетного караула в честь бригадного комиссара.

Стараясь не изменять манеру повествования Гудзя, приведу лишь несколько эпизодов, рассказанных Борисом Игнатьевичем в откровенной трактовке и от первого лица. Записывал все наши многочасовые беседы на диктофон. К некоторым из них я подступился лишь в январе 2020-го.

А начали мы, понятно, с классической операции ЧК под названием «Трест». Слово Борису Игнатьевичу Гудзю.

«Трест» – хрестоматия разведки

Чекисты семь лет морочили голову верхушке белой эмиграции, создав в СССР подставную монархическую организацию. Думаю, я единственный участник операции «Трест», доживший до XXI века. Помощником Дзержинского, что мне некоторые приписывают, я никогда не был. Но помню детали, которые, возможно, не знал никто.

Вообще вся операция началась с Якушева – бывшего статского советника, специалиста, работавшего на советскую власть, однако скептически к ней относящегося. Скептически – не больше. И чекистам во главе с Артузовым удалось даже не перевербовать, а привлечь его на нашу сторону. Доказать, что все в прошлом, возврата к монархии нет и быть не может. А вот подставную монархическую организацию создать надо, чтобы не дать разгореться новым страстям, предотвратить террористические акты со стороны белой эмиграции. Так что в какой-то мере спасти и ее, ибо белый террор обречен на поражение, а чем ответят на это красные, вам, гражданин Якушев, объяснять не надо. И Артузов попал в точку.

Потом включился в операцию «Трест» наш сотрудник Стецкевич. Мелькнул и исчез. Но возник Стырна. И вошел в операцию одним из главных действующих лиц. Окончил классическую гимназию. Был студентом естественного факультета Московского университета: может, прошел курс-другой. Прекрасно знал литературу. Участвовал в школьных спектаклях. Тоже имеет значение: Артузов, Якушев, Стырна – все играли в юности в любительских театральных постановках. Были они немножко и артисты.

Я и со Стырной был хорошо знаком. Нас свел Артузов. Но первый раз показался я ему слишком молодым, посчитал, что рано мне, мальчишке, в ЧК. А немного попозже, через несколько лет, все сошлось.

Александр Александрович Якушев приходил к Стырне домой. Жил тот в паршивеньком домишке в две комнаты. Домик уж давно как снесли. Квартира в отдельных эпизодах операции «Трест» превращалась в явочную. А в ней, кроме шкафа с книгами, ничего и не было: стол, кровать, три стула. Здесь же жила старушка-бабушка – мать его жены, Александры Ивановны, нашей сотрудницы, работавшей машинисткой в Особом отделе КРО. Домик был как бы семейным. Понимаете, возникли среди чекистов, вовлеченных в операцию «Трест», свои отношения. Помимо прочего, ходили мы все в один кружок по изучению марксизма-ленинизма.

И были все мы молоды. Стырне, когда вступил в операцию «Трест», исполнилось 26 лет. И в этом возрасте он руководит 47-летним действительным статским советником Якушевым. И тот, бывший генерал, его слушает, в разговоре с Артузовым хорошо отзывается: «Умный и культурный молодой человек. Настоящий интеллигент». И от себя добавлю: стойкий, выдержанный, говорит прекрасно.

Стырна в Первой мировой войне не участвовал. Вроде и опыта военного никакого, а как себя проявил в разведке! Какое соотношение возраста: в СССР совсем молодые люди, а на той стороне опытные, столько всего прошедшие и испытывавшие боевые белые офицеры. Наши учились, развивались очень быстро. Перенимали, если требовалось, манеру поведения, стиль белых, набирались знаний. И как работали молодые чекисты, воспринявшие уроки Дзержинского, если вся эта публика, за кордоном собравшаяся, им поверила!

Инициатор операции Артузов чуть не с отличием окончил петербургский Политехнический институт, был совершенно сформировавшимся высококласным инженером. Учился на кафедре металлургии профессора Грум-Гржимайло – известнейший человек, он сразу предложил Артузову остаться в институте, подобрал для любимого ученика должность конструктора по металлургии. Послал его на практику на уральские заводы. И Артур Христианович уже во второй половине 1930-х откровенно горевал: почему я не занялся тогда любимым делом? Артузов был исключительно скромным человеком. И самокритичным. Ошибок своих не скрывал даже от молодых, которые еще только учились у него работать.

Был Артузов-Фраучи гражданином России и одновременно Швейцарии. Я думаю, сознательно не сдал в посольство свой паспорт. Предчувствовал, что пригодится. Не хотел, чтобы его настоящая фамилия Фраучи светилась в новой России. И наши российские разведчики под фамилией Фраучи работали за рубежом с его настоящим швейцарским паспортом.

Артузов, Стырна – интеллектуалы. Потому Стырну в наступившие тяжелые годы чисток потихоньку отстранили, и перестал он быть помощником начальника контрразведки. Назначили куда-то на Урал. Перевели в Иваново. С бандитизмом бороться ему было сложно. Не та хватка. Он же не оперативник, а разведчик.

Судьба Стырны – трагична, его, как и Артузова, расстреляли. Жена Стырны Александра Ивановна умерла в тюрьме. Сын их приемный был человечком неполноценным. Тогда чекисты, ответственные работники брали из приютов, детских домов приемышей. И Стырна взял мальчика, бурята по национальности. Парень был неудачным. Воспитанию не поддавался, хотя и поступил в авиационный техникум. Что с ним стало после смерти родителей – неизвестно. Вот как сложилась судьба.

А Якушева забрали раньше всех, еще в 1934-м. Обвинили черт-те в чем, дали десять лет. После тюрьмы отправили «шпиона» в лагерь, где бедный Александр Александрович протянул три года. И молодые умирали от мучений, от несправедливости, от голода. Как там ему приходилось, ответственному работнику наркомата и нашему верному помощнику? Якушев скончался в возрасте шестидесяти лет в феврале 1937 года. Я узнавал потом причину смерти. В

деле написано: инфаркт. Может и так. Осталось у него трое детей. Конечно, реабилитировали Якушева, хотя и поздно, уже после XX съезда.

Один из немногих основных участников операции «Трест», избежавший гонений, ареста и казни, это генерал-квартирмейстер царской армии и генерал-лейтенант Рабоче-крестьянской Красной армии Николай Михайлович Потапов. Не все знают, что до революции разведка как раз и относилась к квартирмейстерской службе. Так что включение в операцию генерала, добровольно перешедшего на сторону революции еще в 1917 году, вполне логично. Использовали Потапова нечасто, в основном в крупных мероприятиях, когда надо было показать пробравшимся в СССР (с нашей помощью) белым офицерам, что верхушка РККА только и ждет свержения советской власти. И Потапов с его еще той, гвардейской, выправкой, благородными манерами с ролью военного руководителя Монархистской организации справлялся прекрасно. Как было ему не поверить. Потапов дожил до 1946 года, скончался в Москве и был с воинскими почестями похоронен на Новодевичьем кладбище.

Теперь о противниках. Был такой агент Опперпут. Получал от нас деньги, но небольшие, для шикарной жизни, которую он вел, ясно, не хватало. Была у него крыша: он – нэпман.

Я ему еще в 1923 году передавал доллары – из рук в руки. Заглядывал к нему несколько раз на старую квартиру в Серебряном переулке, а он весь такой льстивый, услужливый, заискивающий. Человек для меня неприятный, дел с ним иметь не хотелось. Спрашивал: «Расписки не надо?» Никаких расписок я с него не брал. Давал что-то долларов 200. Другой бы поблагодарил – и все. А этот чуть не сгибался в поклоне. Было ему 32 года. Успел повоевать в мировую – опытный вояка.

И когда проверять «Трест» были посланы из Парижа Мария Захарченко-Шульц и ее муж капитан Георгий Радкевич, мы этого Опперпута активно использовали. Захарченко с мужем нелегально перешли польскую границу – и сразу к нам. Надо было где-то парочку селить, якобы укрывать.

Мы их убедили: нельзя вас держать в одном месте – конспирация. И оказались они в отрыве друг от друга. Так что советоваться, обсуждать ситуацию сложно. А чтобы было еще сложнее, Захарченко то и дело постоянно перевозили с квартиры Опперпута на конспиративную дачу.

Почему я в курсе этих деталей? Потому что Владимир Андреевич Стырна привлек к работе в «Тресте» жену своего ближайшего друга по гимназии – Марию Ивановну К., которую я прекрасно знал. А ее мужа Стырна превратил в хозяина явочной дачи, на которой трестовики-чекисты позже тайно принимали Сиднея Рейли и устраивали в честь шпиона банкет. Мария Ивановна из дворянской семьи, училась, если память не изменяет, в Институте благородных девиц. Но была человеком глубоко советским. И Стырна придумал ей легенду: она контрреволюционерка, опекает и охраняет Марию Захарченко-Шульц, чтобы не сделала посланница руководителя Русского общевойскового союза (РОВС) Кутепова какого-то неловкого шага, не провалилась. Ведь та ничего о жизни в СССР не знала, как держаться в нашей среде, представления не имела. И К. должна была приучать гостей к обстановке.

Когда Шульц находилась в Москве, то жила в квартире Опперпута. Сблизились. Рядом жена и маленькая дочка хозяина. Но ни Марию, у которой брак с Радкевичем был третьим, ни Опперпута это никак не смущало. А Опперпут – невероятный хам. Жена у него, как прислуга, стирала Захарченко белье. А он при супруге этой Марии чуть ноги не мыл.

К. возмущалась: «Какой подлец! Насквозь подлец!» Стырна доложил Артузову. Очень уж гнилой человечешко. А если об измене Захарченко узнает Радкевич? И как повернется, если узнает? А Артур Христианович: «Вижу, что подлец. Но он наш агент. Черт с ним и с его подлостью. Он нам пользу приносит». Так что К. со своим женским чутьем лучше кого бы то ни было уловила подлинный характер этого мерзкого человека.

Сначала Захарченко пыталась диктовать свои условия. Ведь «Тресту» нужны деньги. Однако их получение из-за границы возможно лишь с оживлением работы организации, ее активной деятельности, которая мыслилась не иначе как только путем террора. Да и сам террор у них, у белых, является наилучшим способом получения денег.

А Якушев Александр Александрович все время одергивал: «Вы нам сорвете всю работу этим вашим террором. Не надо никакого террора. Потому что это – насилие. И за ним аресты, расстрелы заложников. Черт знает что! Вы что, шутите?» Захарченко не сдавалась, все время жала, настаивала: террор, только террор. Установка у нее была простая: «Это подымет настроение наших здесь и за границей».

И тогда, как впоследствии рассказывал на лекции на курсах ГПУ Артузов, «комедию решили разыграть мы». Непростая комбинация: как будто бы создано течение, стоявшее за террор. Во главе поставили Опперпута. Он и Захарченко – «за», Якушев и другие солидные люди – «против». В заграничных кругах пошли споры – приниматься за террор или не приниматься.

А мы Марию посадили на рынок, где у нэпмана Опперпута своя палатка. Там, как внушили Захарченко, явка. Действительно, приходили к ней изредка люди с Лубянки, что-то передавали. А вместо террора она торговала чайниками, кастрюльками. На долгий период сторону террора из игры вывели.

Захарченко была противником идейным. Это вам не Опперпут. Еще в 1926-м повторяла: «В “Трест” я вложила все свои силы. Если это оборвется – жить не буду». И не лгала.

Изредка выбиралась, с нами посоветовавшись, из СССР в Париж, потом, доложив там обстановку, возвращалась. Все эти переходы границы – под контролем, в Петербурге местное ГПУ обязательно в курсе всех ее перемещений. Через Станислава Адамовича Мессинга, руководителя петербургской ЧК, и его заместителя Шарова нашли пограничника Тойво Вяхи. Тот по приказу начальства, зная, какую опасность Захарченко представляет, переводил ее через границу. Иногда, чтоб показать, как трудно к нам пробраться, бедняга Вяхи эту Захарченко на спине своей таскал. Хорошо хоть дамочка была нетяжелая. Достоверность разыгрывалась полная. В Петербурге работали хорошо. Шаров, правда, грубоват, а Мессинг – умница, потом стал зампреда всей ЧК, курировал иностранную разведку. Да, и его расстреляли. Якобы он участвовал в группировке, выступавшей против Ягоды.

В эмиграции в «Трест» по-прежнему верили. Но весной 1927 года Опперпут ушел. И как. Раньше, несмотря на неоднократные просьбы, этого агента мы за границу не пускали. В этот период Артузов, безмерно занятый, немного отошел от руководства операцией «Трест». Был еще Ольский, один из руководителей КРО, тоже причастный к операции, но и его на месте не было. Куда-то отлучился. Понимаете? Это говорит о нашей слабости. Народу не хватало. Большое сложное дело шло успешно. И какая ерунда: Артузов в командировке, Ольского тоже нет на месте. Это называется потерей головы. Такое бывает с каждым, даже опытным человеком. Случилось и с Артузовым.

Опперпут решил действовать через нашего сотрудника Федулеева, который жил в общении чекистов. Пришел к нему, настаивал на встрече с Артузовым. Тот объясняет, что Артур Христианович не может, у него другие дела. Много дел. Но Опперпут требовал, чтоб Артузов его принял по сложнейшему вопросу. И Артузов перед своим отъездом в командировку Опперпута принял, наверное, на конспиративке.

Потом Артузов рассказывал на лекции: «Зная, что в силу разных обстоятельств я остался один, Опперпут завел разговор о терроре. Он выдумал некую финскую террористическую группу. Уверял, что нащупал ее в Петербурге, куда и едет Захарченко для перехода границы для встречи с Кутеповым. Просил разрешения поехать вместе с ней, проводить, конечно, не до границы, а до вокзала. И потом поработать по финской террористической группе. И здесь я дал маху, согласившись на поездку Опперпута в Ленинград с Захарченко-Шульц. Там Опперпут

сыграл на своей любви к ней. “Профессор” (видимо, пограничник Тойво Вяхи. – *Н.Д.*) имел инструкцию на переправку только одной Шульц, а об Опперпуте заданий никаких не имел. Чтобы бежать, Опперпут предложил свои услуги для помощи Шульц при переходе границы. Просьбу поддержала Шульц, которой Опперпут еще по дороге в Ленинград сознался в своей работе на ГПУ. Ни за кордоном, ни на границе он от нас никогда не бывал. Подлец, а человек решительный. Подойдя на границе к проволочному ограждению, помог Захарченко перетащить чемоданы. И вдруг перепрыгнул через проволоку и пошел. “Профессор”, имея инструкцию о переходе только одной Шульц, погнался за Опперпутом, но было поздно. Представьте мою досаду, когда я получил телефонный разговор Мессинга о бегстве Опперпута.

А через день приходит телеграмма от Стырны. Смысл такой. У посла Эстонии в России Бирка был родственник, кажется, племянник – тоже Бирк, работавший в Москве в посольстве. Мы его завербовали. Он уехал за границу, но продолжал работать на нас. Стырна как раз выехал на встречу с ним и узнал от того, что Опперпут занял у посла Эстонии 20 тысяч рублей».

Перед бегством Опперпут написал жене записку: «Я уйду. Ты еще узнаешь, какого я размера авантюрист». Украл у нее, бедной, единственную ценность – какое-то жалкое колечко. И эта расписка попала к нам. А судьба его жены неизвестна. Я ее искал и не нашел. Столько страшных событий и перемен: чистки, 1941 год, война, было уже не до этого. У меня есть фотокарточка их маленькой дочки – что с ней стало, тоже неизвестно. Думаю, они где-то остались, прижились.

Вспоминаю об Опперпуте с омерзением. С момента передачи известных ему данных о «Тресте» операция провалилась. У меня и заявление его, в западных газетах напечатанное, сохранилось. Послушайте: «Организация “Трест” является характерной легендой так называемой мнимой антисоветской организации, созданной контрразведывательным отделом ОГПУ. Создана в январе 1922 года сотрудником Кияковским, возглавлялась помощником начальника контрразведывательного отдела Владимиром Андреевичем Стырной под фамилией Василий Владимирович Козлов. Фамилия Кияковского – Стецкевич. Секретным сотрудником КРО являлся Лонговой, выполнял роль под фамилией Денисова. Лонговой вел группу так называемых евразийцев».

Поясню о евразийцах. Их группа якобы действовала в составе «Треста». В некотором смысле представляла собой левое течение, которое признавало даже возможное использование советского аппарата в монархических интересах. После этого первого короткого сообщения Опперпут составил подробнейший доклад.

Вот так после семи лет «Трест» лопнул. Дзержинского уже не было – умер. И поставленный ему на смену Менжинский, и Артузов переживали: что скажет Сталин? Он об операции, конечно, знал. Читал перехваченные письма, изучал документы. Мог в своем стиле и пригвоздить: «Лопухи! Мы создали “Трест”, мы душим голову Кутепову... А ваш сбежавший на Запад агент – провокатор и сволочь».

Доложили Сталину о провале. Боялись, а он вдруг: «Ну и хорошо. Хватит. Так вы раздули операцию, что за границей идут слухи – еще две недели и советская власть держится на нитке, прямо сейчас рухнет». И тут он был прав. За эти годы так все расплозлось, покатались по миру такие слухи, что капиталисты отказывались заключать с советским правительством договора. Скоро большевикам – конец.

Ягода с давних пор третировал Артузова по ряду причин. Рассказывать об этом слишком сложно. Сразу же после «Треста» Артур Христианович получил «на вид» – единственное партийное взыскание за всю жизнь с формулировкой «упустил врага народа, который убежал». Не самое большое партийное взыскание: было же столько заслуг.

Допустил ошибку – и наказание по службе: Ягода освободил его от должности начальника контрразведки и сделал помощником начальника секретно-оперативного управления. Это – явное понижение.

Артузов моей семье, мне – человек дорогой, мы состояли пусть и в дальних, но родственных отношениях. И в ЧК меня, мальчишку, пригласил он. Мой самый большой оклад – 150 рублей, а сапоги генеральские стоили 40. И еще мы паек получали. Но не сказал бы, что мы, чекисты, жили лучше, чем строевые командиры. Что важно, так это паек. И чтобы вы поняли, есть тут одна история.

Артур Христианович Артузов, будучи особо уполномоченным Особого отдела, в 1919 году у нас бывал. И уговорил мою маму пойти заведующей столовой Особого отдела. Убеждал: «Антонина Эдуардовна, соглашайтесь. Повар наш – по-моему, жулик. Жиры каким-то образом вытаскивает, нам они не попадают. Он нас объедает». Вот так – повар объедал чекистов. И Артузов просил маму: «Мы знаем вас как честного человека. Хотим, чтобы вы навели порядок, чтобы бригада поваров знала, что вы не воруете». И мама согласилась: «Пойду. Но с одним условием. Получаю два честных пайка каждый день. Уношу и семью кормлю». Артузов обрадовался: «Согласен». И доложил Генриху Ягоде, который тогда был управляющим делами и всем хозяйством ведал. Мама проработала там некоторое время. И я носил оттуда ее сумки. Приходил в назначенное время и домой с двумя бидончиками с супом и с кашей.

Когда мама возвращалась домой, жаловалась: «Повар точил длинный нож и смотрел на меня так... Боюсь, зарежет». Повара потом убрали.

А мама допустила ошибку. Случайно натолкнулась в коридорах Лубянки на голодного доходягу. Пожалела, достала ему из сумки кусок хлеба. Охрана сразу же заметила, моментально доложила коменданту, тот к Артузову, а он в командировке. И комендант пожаловался его заму. И мою маму тут же посадили. Суровы были нравы и времена.

Пошли выяснения. Маме поверили, что никакого злого умысла не было, дала горбушку только из жалости. Приехал Артузов, быстренько маму освободил. Но дней пять она в тюрьме просидела. Вот вам деталь, пусть к делу и не относящаяся.

Это говорит о том, что Артузов очень доверительно относился и к моей матери, и к моему отцу. У меня сохранилась характеристика, данная Артузовым моему отцу при вступлении в персональное пенсионерство. Очень хорошая характеристика. И я с ним запросто: ведь я же его крестник. Если он хотел меня обязательно впахнуть в операцию «Трест», то, как вы думаете, как он ко мне относился? К молодому человеку, которого он знал как себя.

А Опперпута упустили, по-моему, в марте. Он вернулся в СССР нелегально. Тут уж он меж двух огней. Кутепов послал в Москву и Питер сразу несколько групп террористов: террор и только террор. Если бы вздумал вдруг Опперпут играть в двойную игру, та же Захарченко и ее муж моментально прихлопнули бы. Все, кто к нам пробрался, находились где-то рядом, все были готовы взрывать, нападать, убивать. И посыпали тогда, в 1927-м, эти удары.

От Опперпута и его группы хотел Кутепов быстрого теракта. Их взрыв на Лубянке должен был дать сигнал остальным диверсантам: начинайте. Мог Опперпут в Москве сразу же на кого-то напороться. А что, террористом быть легко? Да еще известному нескольким чекистам. Ему приказали, он выполнял.

Взрыва не получилось. В Москве Опперпут и Захарченко-Шульц еле ушли от погони, и стали они и молодой офицер Петерс прорываться на Запад. Чувствуют, что втроем бежать трудно. Решили: Опперпут должен оторваться и пойти своим путем, Петерс – останется с Захарченко. Но потом и они разошлись. И каждый из них попал в окружение, не дойдя до границы. Прошли они не так далеко, окружили их за Смоленском. Захарченко застрелилась. Опперпут крикнул «сдаюсь». Но обстановка создалась такая, что попал он под пулю. О судьбе Петерса точно не скажу. Кажется, тоже был убит. Радкевич бежал. Но когда его уже за городом, в Подмоскovie, взяли в кольцо, он застрелился.

После гибели Захарченко в июне 1927-го эмиграция превозносила Марию Владиславовну как героиню, мученицу, непонятно за что убитую большевиками. А та – жестокая террористка и бездушная женщина. Приходилась ли, как поговаривали, племянницей главе РОВСа Кутепову, точно не скажу, может и сплетня. Но дамой была известной. Офицер старой армии, участница Первой мировой войны. Да такая, что солдаты на нее смотрели снизу вверх, удивлялись, до чего смелая. А в Гражданскую, как рассказывали, расстреливала из пулемета пленных красноармейцев.

В телевизионном сериале «Операция «Трест»» Марию Захарченко сыграла Людмила Касаткина. И сыграла плохо – показала истеричной щепетильной дамочкой. А она – железная женщина, несмотря на свой малый рост и хрупкую комплекцию.

Считается, что операция «Трест» закончилась в 1927 году. Но террористические группы переходили границу до 1929-го. Наносили урон, их ловили. Бессмысленные взрывы, жертвы... Я тогда был уже в шестом отделении и работал по борьбе с терроризмом в слившихся воедино контрразведывательном и особом отделах.

Отзвуки операции «Трест» докатились до 1930-го, когда сотрудники ОГПУ похитили в Париже руководителя Русского общевоинского союза – РОВСа – генерала Кутепова. Да, заманили в ловушку – и на наш корабль. Это – правда. Но его не убивали. Умер сам на корабле уже на подступах к советским берегам. Руководство было очень недовольно: прохлопали руководителя по существу всей военной эмиграции, и какие же вы ему условия создали, если случился сердечный приступ...

Но сколько Кутепову уже было? Сорок семь и какие переживания. Его, генерала, еще до этого похищения так обманули. Как мальчишку водили за нос, заставив поверить в «Трест». Тут есть от чего разболеться измученному сердцу.

Потом через пять лет, уже при Ежове, похитили его преемника генерала Миллера. Это совершенно другая история. Его привезли живым. Шло следствие. Суд был военно-полевой. Он был, конечно, расстрелян. А вы что думали: такой деятель, враг, и его помилуют?

А окончательную точку поставили уже во время Великой Отечественной войны. История длинная. Во время первых же террористических атак РОВСа в 1927 году белый офицер Ларионов взорвал бомбу в здании партийного клуба Ленинграда. Люди собрались на лекцию о классической литературе: один убит, двое ранены тяжело, у двадцати трех легкие раны. И Ларионов, один из тех немногих, кто ускользнул. Наверняка перешел границу и из нашего поля зрения выпал. Но через несколько лет имя это стало проходить по другим делам. Значит, жив. Выясняется, что спелся с фашистами. В 1941 году служил он, уже кровью повязанный, в гитлеровской армии. Потом у изменника Власова. И никак не могли на него выйти.

И тут есть две версии. По одной – попал Ларионов в плен. Поняли, кто он. Судили как предателя, террориста, убивавшего своих еще в 1927-м, и расстреляли его. Версия вторая. Из плена каким-то образом улизнул. Подался к американцам и работал на них до самой старости, до последнего дня. Скончался в Мюнхене в 91 год в конце 1980-х. Какая версия верна – утверждать не берусь. Ни одного документального подтверждения найти не смог.

Вот здесь, думаю, и закончился «Трест».

Как погиб знаменитый террорист Борис Савинков...

Бориса Савинкова мы заманили в СССР в августе 1924-го и арестовали в Минске. Верховный суд приговорил его к расстрелу, который заменили на десять лет. И Савинков покончил с собой. Произошло все прямо на Лубянке на пятом этаже в кабинете заместителя начальника контрразведывательного управления Романа Пиляра, между прочим, урожденного немецкого барона Ромуальда Пилляра фон Пильхау. Не знаю, как он пришел в революцию. Может, через своего двоюродного дядю Феликса Эдмундовича Дзержинского.

Моя комната на пятом этаже выходила прямо на Лубянскую площадь, а кабинет Пиляра – во двор, во внутреннюю часть. Была раньше в помещении дверь на балкон. Дверь заделали, и подоконник соорудили низенький. Так, приступочка сантиметров восемьдесят.

Я это знаю точно, мы с моим другом Гришей Сыроежкиным сидели в одном кабинете, стол к столу, и он уже на следующий день с перекошенным лицом рассказывал, как все это произошло: Савинков в нервном состоянии ходил и ходил по кабинету. Подошел к окну, глянул вниз и пошел, пошел. А Гриша сидел в кресле рядом. Сразу кинулся к нему. Сыроежкин – бывший профессиональный борец, одна рука слабая, в схватке поврежденная. Ему бы схватить Савинкова здоровой рукой. Не получилось. Ему кричат: «Гришка, ты сам туда улетишь». А он держал, но выскользнул Савинков. Не смог удержать. Или лети на смерть с ним вместе.

Было действительно два акта о самоубийстве. В первом – об обнаружении в крови самоубийцы спиртного. И второй – никакого спиртного нет. И о первом акте не говорили, замолчали. Конечно, Савинков был подшофе. При вскрытии нашли в нем чуть не литр алкоголя. Перед этим его возили, и не в первый раз, в ресторан, сидели, выпивали. О самоубийстве Савинкова сразу все сотрудники узнали. Товарищи же, никуда не скроешься.

При Ежове Сыроежкина посадили в тюрьму и выколотили из него показание, что он толкнул Савинкова во двор из окна. Вы подумайте! И он подписал это: сознательно выкинул. Я читаю показания и за голову хватаюсь. Это же ужас. Сыроежкина расстреляли. Да, он был боевиком. Первый орден получил еще при мне. Сражался в Испании и получил за это второй орден. Вернулся домой, и в 1938 году арестован. А расстреляли его в 1939-м за участие «в антисоветском заговоре НКВД», а чтобы этого дурацкого обвинения не показалось мало, еще и за «связь с врагами народа». Утром осудили, вечером – пустили ему пулю в лоб.

А жена Савинкова несмотря ни на что выжила. Была она выслана в далекие сибирские края. Прекрасно знала языки и, изменив фамилию, хорошо, конечно по местным представлениям, устроилась. После ссылки ей разрешили жить в Симферополе. И работала она переводчицей. Ее нашел писатель Василий Ардаматский, он как раз трудился над книгой «Возмездие» о Савинкове и его провале. Приехал в Крым в командировку, а кто-то, знавший круг интересов моего доброго знакомого Василия Ивановича, его ошарашил: а вы знаете, в нашем городе живет жена вашего главного персонажа, только фамилию изменила. И они встретились.

Вообще Ардаматскому везло. В Лондоне общался с Локкартом – английским шпионом, работавшим в первые годы советской власти под прикрытием дипломата. Представляете? Это же еще в СССР, когда на такие контакты смотрели строго.

Сидней Рейли: расстрел в Сокольниках

Сиднея Рейли обработал руководитель фиктивного «Треста» Александр Александрович Якушев. Тот – опытейший разведчик, лис. А бывший статский советник Якушев в этой игре – новичок. Но получил специальное задание: завлечь Рейли в СССР.

Его в ЧК напутствовали Артузов и Стырна: «Александр Александрович, вы понимаете, какое это дело? Все зависит от вас. Предстоит вам большая задача – заманить в СССР Сиднея Рейли. Нельзя не перегнуть, но нельзя и недоработать. Это ас разведки. Мы не говорим вам – добиться любой ценой. Вы сами сумеете сделать так, чтобы все было абсолютно правдоподобно, аргументированно».

А статский советник Якушев так вник и освоил нашу работу, что уже сделался чекистом, думал, как обработать этих людей вместе с Артузовым. Оказался он величайшим артистом. В фильме «Операция “Трест”» я, между прочим, был его научным консультантом, Якушева играет прекрасный артист Горбачев. Так вот, Якушев в актерском мастерстве ему не уступал. Якушев встречался с Кутеповым, был на randevу у великого князя Николая Николаевича, возглавлявшего всю эмиграцию. У Врангеля был. И всех провел! Лишь один бывший чин из белой

контрразведки не выразил ему особого доверия. Врангель тоже отнесся слегка скептически. Остальные – стали после этих личных встреч доверять. Особенно Кутепов. Был он очень в «Тресте» заинтересован. Якушев ему предложил то интереснейшее дело, в которое он хотел поверить. И поверил. Хотя тот самый контрразведчик ему осторожно подсказывал, что «дело подмоченное». Но психология сыграла свое. Кутепов мечтал о возвращении, а тут ему открывают такие перспективы. Отказаться трудно.

Якушеву в той командировке в Выборг повезло. Захарченко – в тяжелом гриппе, с ее мужем тоже что-то такое. Но был представитель белого генерала Кутепова в Выборге Бунаков. И еще до приезда Якушева Бунаков обрабатывал Рейли: надо поехать, увидеть все своими глазами. Тот отказывался. Как раз в эти дни он должен был отправиться в Америку, там дела, уже и билеты на пароход в кармане, вернусь и тогда – к вам. Какое «к нам»: происходило все это осенью, зимой перейти границу даже через хорошо подготовленное и не раз проверенное окно сложно.

И как раз в этот момент прибывает в Выборг Якушев. События развиваются с быстротой молниеносной. 25 сентября устраивается встреча с Рейли. Тот доволен: специально ради него выбрался из Страны Советов руководитель крупной подпольной организации. Не могло не польстить. Обсуждаются вопросы чрезвычайной важности. Рейли щедр на советы, к которым явно прислушиваются. Но Якушев иногда деликатно дает понять: не все из них, действительно профессиональных, применимы на большевистской почве, которая со времен пребывания в России Рейли претерпела изменения. И Якушев приглашает Рейли встретиться на месте с людьми, которые в тяжелейших условиях борются с большевиками. Сидней Рейли честно признается, что очень хотел бы, но надо ехать в Америку.

И тогда Якушев бросает козырь: «Скажите, мистер Рейли, каким временем вы располагаете?» Рейли откровенен: 30 сентября, уже через несколько дней, из французского порта Шербур отчаливает в Америку его корабль. Александр Александрович делает паузу, задумывается, словно что-то вспоминая: «Послушайте, брат знакомого вам господина Бунакова за четыре дня обернулся отсюда, из Выборга, по нашему “окну” в Питер, Москву и обратно. И все в порядке. Вы за четыре дня можете отсюда, из Выборга, по нашему “окну” на границе – сразу в Питер, потом в Москву и обратно. Давайте так: сегодня 25-е, 26-го мы с вами переходим границу, 27-го мы в Петербурге, 28-го – в Москве. 29-го вы уже здесь. Неужели при такой благоприятной ситуации, которую мы можем обеспечить, вы не решитесь использовать момент самому увидеть все, что мы делаем там?»

Надавил Александр Александрович на тонкие струнки в душе опытного разведчика. Подтекст читался: «Ну что, трусишь?» И Рейли сломался: «Согласен. Еду с вами». Тончайшая работа Якушева. Заманили, подурили голову, дали Рейли высказаться, и точка – попался. Вот как искусно разложил игру статский советник.

Рейли арестовали на квартире Опперпута в Москве. До этого поехали на дачу по Казанской дороге в подмосковном Краскове, где до революции жили люди богатые. Дома с тех старых времен сохранились. Одна из дач в Краскове ли, в Малаховке, какая разница, там близко, была полностью оборудована как конспиративка. Встретились с «трестовцами». Были Якушев, Опперпут, наш человек – хозяин дачи К. и еще два – четыре сотрудника. Настоящих контрреволюционеров не приглашали. Все лыком шиты.

Закатили банкет. И несколько расслабившийся «гость» выступил с изложением своей террористической программы. Убеждал, что террор – единственное оставшееся средство борьбы: «Мы должны быть как народовольцы, только в обратную сторону. Те тоже убивали генерал-губернаторов, чтобы привлечь народ, поднять настроение. Довести до кипения. И мы должны так же. Иначе все лопнет. А ударим – и там, в другом месте – в Европе, к нам по-иному станут относиться. Пусть коэффициент безопасности в России приблизится к нулю».

Приехали с дачи в Москву. Ведь Рейли должен был около полуночи уезжать скорым поездом в Питер. Тот полностью спокоен, организации доверял. В лицо его в СССР вряд ли кто знал: не появлялся он у нас с 1918 года. На пути с дачи даже написал кому-то открытку, бросил в почтовый ящик: «Я в Москве. Сидней». И наши ее сразу из ящика – в дело английского шпиона.

Приехали на квартиру на Маросейке, чтобы перед поездом отдохнуть, перекусить. И тут шпиону объявляют: «Вы арестованы». У Рейли оружия никакого нет. Об этом заранее позаботились: «Вдруг, ну на крайний случай, проверка документов или проверка в поезде, а у вас, господин Сидней, револьвер». Как тут было Рейли не поверить так трогательно заботившимся о его безопасности. А все люди в квартире сидят вооруженные. Никуда не денешься.

Рейли после ареста артачился, занял позицию: «О моем аресте станет известно высоким кругам в Англии. Вы со мной шутки не заводите». Он не догадывался, что наши разыграли историю с перестрелкой на границе, чтобы спрятать концы. Показали газету: «Почитайте – вы же убиты. Вот: Сидней Рейли опознан и убит при переходе границы. Вас нет». Тут очень смело повел себя наш пограничник Тойво Вяхи, не раз участвовавший в таких операциях. Когда Рейли шел оттуда, то перетаскивал его на нашу сторону на спине. Хотели мы Рейли показать, что опасно, но вот какие на нас работают люди. Кстати, после того как разыграли всю эту комедию на обратном пути с переходом границы, объявили, что Вяхи тоже «погиб в перестрелке».

Рейли не сразу, но довольно быстро стал вести себя по-иному. Сказал: согласен вам помогать в меру своих возможностей. Но агентом вашим быть не могу – я же английский офицер. Если мое выступление может иметь какой-либо вес, то могу выступить и везде буду говорить в пользу Советской России. Но легально. Мы с вами это обдумаем. Вот такой контекст.

Еще в 1918 году Рейли был у нас приговорен к расстрелу. Но сбежал. И при появлении на территории РСФСР приговор должен был быть приведен в исполнение. На территории он появился, решение – в силе, надо исполнять. Его несколько раз возили на загородные прогулки в Сокольники, в лес. И ликвидировали. Мне известно, кто приводил приговор в исполнение. Был среди них и Григорий Сыроежкин. Рейли выстрела не ждал. Приговора ему не зачитывали, старались не пугать, не тащить куда-нибудь, вроде как-то облагородить. Неожиданно ему выстрелили в спину.

Тело захоронили во дворе ВЧК. Не знаю, где сейчас его останки. Во время «перестройки» там велись гигантские работы, все перестраивали.

Теперь о национальности Рейли. Многие считают, что он одесский еврей. Ничего подобного, если и был, очень возможно, как я полагаю, евреем, то не одесским. Много на сей счет легенд, называют его Розенблюмом. На допросе же показал, что отец – англичанин, мать – русская.

Жена Рейли подняла настоящий хай. В очень резких тонах написала письмо британскому премьер-министру. Обвиняла, что послали в СССР ее мужа, и теперь она требует ответа от британского правительства. Письмо дошло. Но ответили от имени премьера за скромной подписью его секретаря, что никого никуда не посылали, поехал мистер Рейли в чужую страну сам, добровольно, и потому никакой помощи оказать его семье возможности не имеют.

Ленин был смущен, а Дзержинский целовал даме руку

Еще раз: не был я помощником Дзержинского. Но видел его на партийных собраниях и много раз встречался с ним при входе или выходе, потому что входили через одно крыльцо. Встречал его в лифте: он – на третий этаж, я – на пятый. Вел себя Феликс Эдмундович скромно. Я приветствовал, он всегда отвечал, глядя в глаза.

Был однажды такой случай. Я поднимался на свой пятый, и из лифта на третьем этаже, где находился его кабинет, как раз вышла ехавшая со мной очень почтенная дама. Несовременная, по виду – из-за границы. А он как раз вышел встречать ее у лифта. И Дзержинский сгибается, берет ее руку, чуть приподнимает и целует. Сопровождает гостью по коридору. Была это представительница польского Красного Креста мадам Симпаловская, которая при Пилсудском помогала опекать арестованных в Варшаве коммунистов. А у нас была Пешкова Екатерина Павловна. Она курировала, заботилась о сидящих в Советской России арестованных поляках. И полячка имела официальное удостоверение, дававшее право в любое время посещать тюрьмы, оказывать соотечественникам материальную помощь под нашим контролем. Такой вот существовал обмен. И Дзержинский с ней общался: она же таким образом помогает и сидящим в Польше нашим.

Многие считают, будто Дзержинский был железным, не улыбочивым, ершистым – не подступись. А он иногда так хорошо улыбался. И над собой подтрунивал. Когда удалось заманить Шульгина в СССР и белоэмигрант написал свою книгу, то Феликс Эдмундович смеялся: он, председатель ВЧК, должен редактировать книгу белогвардейца и депутата Госдумы, который рассказывает, как он нелегально побывал в СССР, обведя чекистов вокруг пальца. Хохотал над тем, как это все удалось. Шульгин поверил во все, что мы ему рассказывали и показывали.

А в одну из годовщин ВЧК группа товарищей и друзей Дзержинского устроила вечеринку в честь нашего юбилея. С течением времени беседа приобрела несколько общий и менее организованный характер. Кажется, заместителю председателя ВЦИКа Варлааму Аванесову пришла в голову коварная мысль предложить Феликсу Эдмундовичу произнести спич на тему для него особенно неожиданную – о любви к женщине. На одно мгновение Феликс Эдмундович как-то сконфуженно улыбнулся, попытался уклониться. Да и все мы никак не представляли Дзержинского, декларирующего на такой лирический предмет. Но колебание его было недолгим. Он встал и произнес совершенно исключительную по теплоте, искренности и жизнерадостности речь о женщине-товарище, друге, жене, которая в революционной борьбе идет в ногу с нами, мужчинами, которая зажигает.

Ездил к сыну и жене в Швейцарию. Супруга работала в постпредстве СССР в Берне. О поездке к жене Софье и сынишке Яну знал и, думаю, организовывал ее Свердлов Яков Михайлович, был он тогда председателем ВЦИКа и отправил вместе с Дзержинским своего зама Аванесова. Конечно, были официальные паспорта и все прочее. Свердлов напутствовал: «Феликс Эдмундович, только держитесь. Я буду болеть, что вы там находитесь. Мне будет очень тяжело. Желаю вам успеха». И все прошло нормально.

Вскоре вывели семью в Москву.

Потом сын Ян Феликсович работал в ЦК партии. Умер в 1960-м скоропостижно, как и отец. В 49 лет остановилось сердце.

Я и Ленина видел. Выступал он на Первом Всероссийском съезде по внешкольному образованию. Этот съезд организовывала Крупская, а фактически – мой отец, который был помощником и консультантом Надежды Константиновны по внешкольным делам. Он работал по ликвидации неграмотности в России. И отец мне накануне сказал: «Пойдем, Борис, со мной. Будет выступать Владимир Ильич». Я пошел в Дом союзов, занял место в пятом или шестом ряду, ждал. Там многие собрания проходили. Двери в фойе, которое идет параллельно залу, были открыты. Чтобы зайти в зал, надо подняться по лестнице и пройти дальше по фойе, миновать двери на входе в общий зал – и вход на сцену, в президиум, через небольшую комнату. И я видел, как люди поднимались в президиум.

Сначала выступал Луначарский. Оратор он был замечательный. Мы его слушали разинув рты. Вдруг раздаются хлопки, которые из речи наркома просвещения никак не вытекали. Оказывается, люди в зале увидели через открытые двери, что пришел Ленин. Начали вставать и аплодировать. Луначарский вытаращил глаза, спросил: «В чем дело?» Ему из президиума:

«Анатолий Васильевич, Ильич приехал». Луначарский оборачивается, и с той стороны входит Владимир Ильич Ленин с картузом в руке и поднимается на сцену. А я сижу в пятом ряду и вижу Ленина, который не понимает, кому аплодисменты – Луначарскому или ему. И он садится не в президиум, а на ступеньки. Луначарский все понял, быстро к Ленину навстречу, помог встать, посадил его в президиум. А у Ленина такое выражение, что он сорвал выступление Луначарского. И тут суэта, овации, все встают, и Ленин с речью, которая всем известна, она во всех собраниях сочинений. И я в тот же день об этом написал, в ЧК это вывесили, чекисты о выступлении узнали.

Ленин говорил хорошо. Не так, как Луначарский, который выступал красочно. А у Ленина – просто, из души. Какие там бумажки. Луначарский тоже без всяких бумажек.

Шаламова не выдавал

Больной для меня вопрос. Писатель Варлам Шаламов был уверен, даже писал, что я «выдал его чекистам». Но как можно! Моя сестра была за ним замужем. И в те времена, если что случалось с близкими или даже дальними родственниками, страдали все. Что ж я, хотел, чтоб арестовали сестру? Когда взяли Шаламова, и мою любимую сестру сразу посадили, выслали в Чарджоу, где она, бедная, мучилась до 1946 года. А меня вскоре после ареста шурина исключили из партии и выставили из ЧК. Ну подумайте, неужели мог я сам сломать жизнь себе и родственникам? Единственная правда, что особой привязанности у нас с Шаламовым никогда не было и быть не могло.

Страшная мясорубка, ужасные годы

Сталин не доверял своим. Еще во второй половине 1920-х считал, что много чекистов уходило на Запад. Неправда. Не много. Ничуть не больше, чем в последующие годы.

Я работал в то время, когда условия были другие, не как при Ежове. А при этом – страшная мясорубка, ужасные годы. До этого – нужная всем, нормальная работа. Для чего все мы это делали? Боролись за выживание страны. Да, открывали дела. Но не выколачивали показания какими-то физическими способами воздействия, чтобы услышать потом только то, что приказано от них услышать.

А потом – ежовщина. Но первым начал все это Ягода. Выдвинули его на пост генерального комиссара государственной безопасности. И против него выступили с протестом настоящие чекисты – Ольский, Мессинг...

Ягода через Кагановича передал, что надо об этом обязательно доложить Сталину. Мол, завелись здесь гнильцо, интеллигентщина, которые не понимают, что такое классовая борьба. А классовая борьба – это когда из вас выколачивают, что вы шпион польский, немецкий да еще и французский. Теоретики доказывали: курс верен, ведь по мере укрепления социализма растет и классовая борьба.

Должен я вам сказать: классовая борьба действительно ожесточалась: решался крестьянский вопрос. Как быть с крестьянами? Город уже социалистический, а деревня – еще индивидуальная, плюс укреплялись нэпманы: торгуют, наживаются. Как быть? 1929 год – «великий перелом», создавали колхозы. Десять процентов крестьян – зажиточные. Их записали в кулаки. В деревне – разлом, противоречия: эти – за колхоз, те – против. И каждый середняк хотел сделаться богаче, по принятой тогда формуле – стать кулаком. Захотел? Получай.

Пошли жесточайшие чистки. Я очень волновался за Артузова. В то время я уже был совершенно оторван от органов: уволен и исключен. Последняя моя должность – помощник начальника Второго отдела Разведывательного управления. Это – армия. Оттуда меня выгнали за связь с врагами народа. Ушел на гражданскую службу в автомобильное хозяйство, попал в

шоферы. С ЧК – полный разрыв. Видел Артура Христиановича в последний раз, когда он уже был уволен из Разведупра и работал в архиве, занимаясь историей ВЧК. Сидел в крошечной комнатухе, бодрился, убеждая меня и себя, что лучше его эту историю никто не напишет, и страшно переживал. Понимал, что его ждет, хотя на февральско-мартовском пленуме ЦК 1937 года, после которого ежовщина уж совсем разгулялась, его имени не упоминалось, обошли. И он однажды на выступлении выдавил: «Ко мне слишком мягко отнеслись».

Липовые ежовские дела опрокидывали всю работу Артузова. Был Артур Христианович им оболган. Ежов криком исходил: все ваши дела, все ваши «Тресты» и прочие легендированные организации – это все пристанища настоящих шпионов, и вы пользовались ими как прикрытием, чтобы заниматься шпионажем.

А о том, что Артузов арестован и расстрелян, я узнал от его первой жены – Лидии Дмитриевны. 21 августа 1937 года приговорили к расстрелу и тут же привели то, что называлось приговором, в исполнение.

Часто задумывался, особенно раньше. Почему меня, дружившего с таким количеством врагов народа, Ежов и компания оставили в живых, не тронули?

Могу ответить только так: уничтожали таких, как Артузов, а не какого-то Бориса Игнатьевича Гудзя.

Снова вернулся в ту жуткую эпоху, когда недавно, уже в этом, ХХІ веке, открылись архивы, и я нашел дело моего товарища по заграничной работе в Японии Ивана Ивановича Шебеко. Когда я приехал в Токио, резидентом был он. Его должны были отозвать. Но Ивана Ивановича, с его согласия, сделали моим помощником. Потом меня отозвали, и он опять стал резидентом.

В 1939 году, уже при Берии, вызывают его в Москву и выколачивают из него шпиона. И спрашивают: а тот, что был до вас, – тоже шпион? Да, и он шпион. Шебеко расстрелян, а меня даже в ОГПУ не вызывали, хотя из органов был уволен. Но могли же меня найти, я ж не иголка. Жил в Москве и не под чужой фамилией.

Иногда я рассматриваю фотографии, на которых товарищи по работе. Этот остался жив. Этот покончил жизнь самоубийством. Этого расстреляли. И этого тоже. Это такой же, как Тойво Вяхи, якобы помогал диверсантам переходить к нам через «окна», только работал на западной границе, – Крикман. Он остался жив. Это резидент в Берлине – расстреляли. Этот – не знаю. Этот – тоже не знаю. А это – я и еще трое ребят. Один, справа, – брат Карина (известного руководителя разведки, которого расстреляли. – *Н. Д.*). Тоже работал в КРО. Расстреляли. Вот вам картина – страшная. Очень страшная.

Как прожить долго

Совет этот записан на 102-м году жизни Гудзя.

– Не пил, не курил. Привык пить чай. А если уж кофе, то только слабый и до пятидесяти лет: болит сердце – не болит, все равно уже вредно. Лучше пить только слабый. В 1920-е годы пить кофе у нас, в чекистской среде, считалось признаком разложения.

Один раз, где-нибудь в 1925-м или 1926-м, опьянел и с тех пор – только по рюмке красного на Новый год и 20 декабря на День чекиста. Режим простой: овсяная каша, геркулес. Всегда предпочитаю быть на ногах. Катался на велосипеде до 80, водил машину до 90. Мне за 100, но хожу на лыжах, летом много гуляю. Нельзя попусту раздражаться и по собственной воле разрушать собственные же нервы.

(От автора. Приведу лишь наиболее известные имена разведчиков, до 100 лет доживших и от нас ушедших:

Борис Игнатьевич Гудзь – 104 года.

Герой России Алексей Николаевич Ботян, нелегал – 102 года.
Михаил Исаакович Мукасей, нелегал – 101 год.
Иван Георгиевич Старинов – 100 лет.)

При нем разведка знала всё: Павел Михайлович Фитин

Дело начальника внешней разведки Павла Михайловича Фитина, возглавлявшего службу в военные годы, долго ждало своего часа. Все или почти все его подчиненные были рассекречены, стали известными, несколько человек даже успели получить звания Героев Советского Союза, присвоенные в середине 1990-х, а Фитин так и оставался под грифом «Сов. секретно».

Успехи внешней разведки в годы Великой Отечественной войны феноменальны. А в 1953 году генерал-лейтенанта Фитина уволили из органов «по служебному несоответствию». Причина в том, что ему часто приходилось идти против течения.

Роковой день в истории

Днем тяжелого испытания для Фитина стало 17 июня 1941 года. 33-летний начальник внешней разведки докладывал Сталину о предстоящем нападении гитлеровской Германии на Советский Союз. К вождю он прибыл вместе с наркомом госбезопасности Всеволодом Меркуловым.

Фитин представил Иосифу Виссарионовичу подробный доклад с главным выводом: война на пороге. Начальник разведки лично и полностью ручался, что нападение Германии на СССР в ближайшие несколько дней неминуемо. Сведения получены от вернейших источников из Германии – «Корсиканца» и «Старшины». 16 июня 1941 года группа, рискуя быть выданной, направила это сообщение на имя начальника разведки. Сообщение подтверждалось и множеством других донесений, оперативных сводок и сообщений, четко изложенных Фитиным.

Сталин даже не предложил подчиненным сесть. Правда, и сам не присел, а расхаживал по кабинету, куря трубку. Воспринял доклад болезненно. После его окончания внимательно посмотрел на Фитина и вынес вердикт. Он был трагичен не только для Павла Михайловича, но и для нашей армии, и, как оказалось уже через несколько дней, для всей полностью подчинявшейся его воле страны.

Почему не поверил разведке? Да потому, что привык больше доверять себе. Доклад противоречил твердо сформировавшимся в его упрямой голове стратегическим планам и потому раздражал. Не мог предположить, что его обманет какой-то там Гитлер. Ведь пакт с ним был заключен, и как раз накануне доклада Фитина, 14 июня ТАСС выступило с заявлением, в котором опровергались все слухи «о близости возможной войны между СССР и Германией» и подчеркивалось, что «по данным СССР, Германия так же неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, как и СССР».

Чья это была ошибка? Только не Фитина. Да, немцы не раз меняли дату нападения на СССР. И поэтому разведка, следуя за событиями, тоже сообщала о том, что Гитлер начнет войну то 15 мая, то в первой декаде июня, а в последних шифровках из Берлина и Токио значилась совсем иная дата – 22 июня.

Для недавнего назначенца Фитина такая реакция Иосифа Виссарионовича могла закончиться потерей не только должности, но и гораздо хуже – головы. Меркулов человек опытный, мог бы доложить и сам. Но предпочел предоставить это Фитину.

О сигналах, поступивших в нашу разведку и предупреждавших, что война с Германией совсем близко, можно написать целую книгу. Сталин их упорно, сознательно игнорировал. Били тревогу и «Кембриджская пятерка» во главе с Кимом Филби, и Рихард Зорге.

Держу в руках уникальнейший документ: шифровку «Красной капеллы». Я бы назвал ее показательной. Не поверить приведенным данным, переданным в Центр, мог лишь человек, маниакально веривший, что Гитлер на обман не способен. Таким убежденным в честности

сти фюрера оказался Иосиф Сталин. Строгим, недовольным голосом Иосиф Виссарионович спросил: что это такое? И Павел Фитин взял на себя не только труднейшую, но и опаснейшую миссию – возразил вождю. В то время мало кто мог решиться на такое. Фитин решился.

Сам Павел Михайлович так описывал последовавшее объяснение:

«Не без большого внутреннего волнения я сказал, что материалы надежные, получены от надежных источников и что информация их, которую получали раньше, подтверждается. Сталин закурил трубку и заявил: “Никому из немцев, кроме Вильгельма Пика (один из руководителей немецких коммунистов. – *Н. Д.*), верить нельзя. Но если вы считаете надежными, перепроверьте”. Направили запрос о подтверждении. За время, что продолжалась вся эта волокита, из Финляндии, Италии и Польши поступили три телеграммы от наших нелегалов: война начнется 22 июня! В некоторых шифровках время указывалось уже с точностью до часа».

Спустя 30 лет Фитин писал:

«Благодаря наличию агентуры с большими разведывательными возможностями в таких странах, как Германия, Англия, США, Чехословакия, Болгария, Франция и некоторых других, с конца 1940 года и до нападения Германии на Советский Союз в Управление поступали данные, которые говорили о том, что Германия, захватив тринадцать европейских стран, готовится к нападению на СССР. Например, наш резидент в Праге сообщал о перебросках немецких воинских частей, техники и другого военного снаряжения к границам Советского Союза. Аналогичные сведения поступали и от других резидентов. Естественно, наиболее важная информация направлялась нами в три адреса: И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову...»

Знаменитая детская писательница Зоя Ивановна Воскресенская, а в то время лейтенант госбезопасности Зоя Рыбкина, так вспоминала день 17 июня 1941 года:

«Нашей группе было поручено проанализировать информацию всех зарубежных резидентур, касающуюся военных планов гитлеровского командования, и подготовить докладную записку. Из многих источников мы получали сведения о том, что гитлеровцы вот-вот развяжут войну. Даты начала военных действий фашистской Германией назывались разные, но все сходились в одном: война против Советского Союза начнется в самое ближайшее время. 17 июня 1941 года я с волнением завершила этот документ. Обзор агентурных данных с приведенным выше выводом начальник разведки Павел Михайлович Фитин повез в тот день лично Сталину».

Следующие четыре дня прошли в напряженном ожидании неминуемого. В ночь на 22 июня 1941 года Павел Михайлович не спал, мучился, ждал. И не предчувствие, а точная оценка обстановки не обманула: разбуженный ранним воскресным утром телефонным звонком из Кремля, он знал, о чем ему сообщит дежурный: напали немцы. Да, Гитлер начал войну.

Через несколько часов он уже подписывал задания-шифровки, направленные во все легальные и нелегальные резидентуры советской разведки. Это был первый из 1418 дней Великой Отечественной войны.

Из Сельхозакадемии в разведку

А ведь еще за несколько лет до войны трудно было представить более далекого от разведки человека, чем Павел Фитин из села Ожогина, мало кем слышанной Шатровской волости Шороховского района Ялуторовского уезда Тобольской губернии. Крестьянский сын 1907 года рождения пошел, что естественно, в земледельцы.

Он всегда и во всем следовал примеру отца, Михаила Илларионовича. Прямо генерал-фельдмаршал Кутузов. Фитин-старший верил в советскую власть безгранично, сомнений в ее правоте не ведал. Был готов положить жизнь за Советы и чуть не положил, когда ему, организатору одного из первых на тобольской земле колхозов, пришлось схлестнуться в 1921

году с кулацкой бандой. Его отряд комбеда – коммунистической бедноты – был разгромлен, Фитина взяли в плен. Он едва спасся от расстрела.

Ну а сын Павел вступил в комсомольцы. Он нравился сверстникам: всегда отстаивал своих, если считал, что поступают с ними несправедливо. Вскоре двадцатилетний вожак – уже один из руководителей волостного комсомола. Помогал сельским комсомольцам получать образование. Выбивал для них места в институтах, куда крестьян брали не слишком охотно.

Да и сам отправился в 1928 году по комсомольской путевке, и не куда-нибудь, сразу в Москву, в гремевшую на весь Союз Сельскохозяйственную академию имени Тимирязева. Конечно, собирался после учебы вернуться домой.

С практикой выпускнику Паше Фитину повезло. Инженера-конструктора сельхозмашин отправили на новенький Сталинградский тракторный завод, построенный по последнему слову не советской, а американской техники.

Можно считать, что здесь впервые практикант-дипломник пусть и косвенно, однако столкнулся с будущей чекистской профессией. По просьбе трудящихся города Сталинграда завод был назван в честь Ф. Дзержинского. Так состоялось знакомство, понятно заочное, с Феликсом Эдмундовичем. И второе. Американцы, помогавшие в строительстве, никак не могли понять, почему эти русские так настаивают на избыточной прочности кранов, которые смогут поднимать не пять тонн – вес обычного трактора, а все 40. Но каприз удовлетворили, чем помогли уже в 1932 году (год запуска завода) перейти к секретному производству танка «Т-26», о чем Фитин, конечно, был в курсе. В самые суровые дни Сталинградской битвы танки выезжали из ворот тракторного завода и сразу вступали в бой с немцами.

Вернувшись в Москву, Фитин узнает о неожиданном для себя распределении. Выпускника Сельхозакадемии направляют не на производство, а в «Сельхозгиз» – Всесоюзное сельскохозяйственное издательство. Надо было срочно наладить выпуск не только журналов о сельском хозяйстве, но и брошюр о последних новинках советской сельскохозяйственной техники. А они пошли в колхозы конвейером. Надо же кому-то пропагандировать наше родное советское сельское хозяйство. Да и зарубежный опыт изучать, выпуская продукцию на заданную сельхозтему в переводе с иностранного.

И, как пишет в своей статье в «Российской газете» директор Службы внешней разведки России Сергей Нарышкин, «Павел Фитин в редкие свободные часы усердно учил английский и немецкий языки». Очень важная ремарка.

Пять лет размеренно шагал Фитин по карьерной лестнице, добравшись до должности заместителя главного редактора «Сельхозгиза». Он, как всегда, многое успевал. Ему доверяли, избрав секретарем партийной организации. Надо было расти, одного технического образования, это Фитин и сам чувствовал, стало не хватать. И в 1937 году, по-прежнему вкалывая в издательстве, Павел Фитин поступил в Московский институт востоковедения. Однако долго там поучиться не довелось.

Вдруг крутое, вроде бы совершенно нелогичное, изменение места работы: Фитина приглашают в органы НКВД. Почему? Кому конкретно он приглянулся? Чем заслужил такое доверие? Точных ответов на эти вопросы нет. Можно лишь констатировать, что Павел Фитин из того комсомольского призыва, объявленного в органы после безжалостных расстрелов, чисток и разжалований, которым подверглась ЧК в середине 1930-х. Многие в биографии самого молодого в истории начальника внешней разведки так и останутся загадкой.

Но, как бы то ни было, взлет Фитина выглядит фантастически.

28 марта 1938 года он уже работник госбезопасности. За два года учебы в Центральной школе НКВД в Москве он в числе восьмисот «призывников» должен был получить все навыки разведчика. Но приближающаяся война, это в разведке чувствовали острее, чем во всяких ЦК, торопила.

А работать в органах было некому. И 50 слушателей, лучше всех зарекомендовавших себя за полгода учебы, были в октябре того же 1938-го откомандированы в ШОН – Школу особого назначения – на спецподготовку.

Но парторгу курса Центральной школы НКВД Фитину было уготовано перескочить и через этот служебный порог: он сразу назначается оперативным уполномоченным 5-го разведывательного отдела НКВД.

Два с половиной месяца – и в январе 1939-го он уже не младший лейтенант запаса, а майор государственной безопасности и заместитель начальника отдела, в котором только что приступил к работе.

И время для майора помчалось еще быстрее. Вскоре Политбюро ЦК утвердило Павла Фитина начальником 5-го отдела.

13 мая 1939 года последовало невиданное назначение: Павел Михайлович Фитин в 31 год становится начальником уже всего отдела ИНО. По-теперешнему говоря – Службы внешней разведки.

Почему? Да потому, что к тому времени после ежовских и других чисток личный состав Наркомата внутренних дел уменьшился неимоверно. Нужны были новые люди. Часть прежней когорты действительно запятнала себя преступлениями против невинных, другая лежала в земле, некоторые отбывали срок по тяжелейшей 58-й статье в лагерях, кое-кто из уволенных пересаживали опасное время на дачах. Наступил в истории разведки период, когда опустошенные репрессиями иностранные резидентуры в течение 121 дня не передали в Центр ни единой информации. Работать и в Центре, и за кордоном было некому.

И на первые роли выдвигались молодые ребята, как Павел Фитин. Он почти сразу вызвал доверие у многих ровесников, пришедших в органы вместе с ним, и недоверие нескольких выживших и еще остававшихся в рядах старых чекистов: не был он своим в этой среде. Но шаг за шагом, операция за операцией пропадало, исчезало недоверие, уступая место глубочайшему уважению.

Знаменитый Павел Судоплатов, «уложивший» украинского националиста Коновальца, а затем разработавший покушение на Троцкого, недовольно качал головой, глядя на Фитина. Но только до того самого партийного собрания, на котором «новая метла» товарищ Берия предложил исключить его из партии. Все сотрудники – старые и новички – мгновенно проголосовали «за».

– Значит, воздержавшихся нет? – переспросил ведущий собрание.

– Есть, – раздался спокойный голос, и все увидели поднятую руку нового начальника управления Фитина.

Вступить за человека, которого вот-вот объявят врагом народа? Фитин совершенно спокойно ответил: о товарище Судоплатове слышал много, лично не знаю, о проступках, в которых его обвиняют, мне судить сложно. И легендарный Павел Анатольевич остался в заветных рядах всего лишь с выговором, качая головой на этот раз не в знак осуждения, а удивленно. Такой птенчик и сразу против Лаврентия Берии?

Может быть, даже нарком, тасовавший чекистские кадры как карточную колоду, задумался, надо ли увольнять вот такого энергичного, смелого и принципиального.

В этой неброской смелости и был весь Фитин. Спокойный, рассудительный, никогда не теряющий самообладания, с искренним уважением относящийся к людям и пытающийся понять каждого, даже тех, кого и понять-то было сложно. По понятным причинам он не принадлежал ни к одной профессиональной группировке чекистов, невольно складывавшихся на протяжении многих лет совместной работы. И в ИНО НКВД поняли: пришел настоящий начальник.

Фитин против Гитлера

Наследство, полученное новичком, скудно. Из более чем четырехсот разведчиков в рядах НКВД осталось 285 человек. Зарубежные резидентуры практически парализованы. Вызванные из них в Москву опытные разведчики в лучшем случае уволены из органов, в худшем – и в большинстве – расстреляны.

В фашистской Германии прервана связь с ценнейшим и единственным нашим агентом в гестапо Вилли Леманом (оперативный псевдоним «Брайтенбах»). Война на пороге, и немец не понимает, куда внезапно исчезли русские. На какое-то время иссяк поток сообщений из Великобритании от «Кембриджской пятерки». Откуда знать Леману и Филби, что их советские кураторы арестованы или расстреляны. И так – во всех странах потенциальных союзников и явных противников.

И все-таки молодой руководитель Павел Фитин начинает не с нуля. Выжившие, в разведке оставшиеся, его принимают. И дело не в привычной дисциплине. Прошедшие тяжелые испытания люди понимают: ими руководит душевный, болеющий не только за дело, но и за них человек. Его принципиальность и вера в своих поражают.

Да, пришел новичок. Но он хочет учиться. Работает по 16 часов в сутки, но каждое утро перед работой к нему приходит преподаватель немецкого языка.

Фитин правильно определяет первейшую угрозу. Война придет из гитлеровской Германии. Основное внимание ИНО уделяет Третьему рейху. И Павел Михайлович учит язык будущего противника не зря. Из статьи директора СВР Нарышкина, на которую я уже ссылался в этой главе, стало известно, «что в мае – июне 1940 года Фитин ездил в спецкомандировку в Германию. Результаты этой поездки до сих пор остаются засекречены».

Зато известно иное. В стране главного противника действует уже не один разведчик, как это было до Фитина, а 13. Осенью 1940 года возобновлена связь с антифашистами. Сообщения руководителей «Красной капеллы», действовавших под псевдонимами «Корсиканец» и «Старшина», бесценны. Это заслуга заместителя резидента в Берлине Александра Короткова. Будущий руководитель советской нелегальной разведки, а тогда, незадолго до прихода Фитина, из рядов уволенный и лишь благодаря собственной настойчивости на Лубянку вернувшийся, посылается в Берлин. И картина чужих военных приготовлений будто на ладони. Ее дополняет Вилли Леман, на которого в сентябре вышел тот же Коротков, на отправке которого в Германию с особыми функциями настоял Фитин.

По инициативе Фитина возрождаются прервавшиеся отношения с Филби, Маклином, Кернкроссом, Бёрджессом, Блантом... Они информируют Советы о закулисных маневрах Черчилля, об истинных намерениях Великобритании, пересылают письма Гитлера.

Умелая агентура приступает к работе в США, Болгарии, Турции, Иране. В этих не захваченных Гитлером странах разведка действует особенно эффективно. Это и по ее инициативе советские войска входят в Иран прямо накануне планировавшегося там профашистского переворота.

Руководят резидентурами и опытнейшие асы разведки, и новые молодые кадры, пришедшие вместе с Фитиным. Подбор людей практически безошибочен. И вскоре закордонная разведка заработала на полную мощь. За рубежом в четырех десятках стран трудятся более двухсот разведчиков, и это не считая нелегалов. К прежним агентам, застывшим было в бездействии, добавляются новые – пришедшие добровольно «инициативники» и завербованные в основном на идеологической основе.

Всего год пролетает с назначения Фитина, а сколько сделано. И даже подозрительно относившийся к работавшим в зарубежье Сталин сменил гнев на милость: группе чекистов в мае 1940 года присуждены государственные награды.

А Фитин получает орден Красного Знамени месяцем раньше, как и Павел Судоплатов, представление на которого готовит сам Фитин. До прихода Павла Михайловича героя разведки едва не записали во враги народа, а теперь прикрепляют к груди орден Красной Звезды и назначают заместителем Фитина. Сложился тандем, слаженно работавший по разным направлениям до конца войны.

Как это получилось? Великие способности? Стечение обстоятельств? Удачливость? Да! И все слилось воедино в нужном человеке в тяжелейший для страны момент. Надвигалась большая война, разведка требовалась – что воздух. Некогда было размышлять, как он будет управлять новичками и опытными чекистами. Надо было создавать, руководить.

В этом человеке, вышедшем из села Ожогина, чувствовалась некая терпеливая крестьянская мудрость. Иногда Сталин ставил грозные, порой оскорбительные резолюции на фитинских докладах. В пору всеобщего послушания, когда любое слово не то что «против», а просто не «за» могло закончиться лагерем или чем похуже, Павел Михайлович терпеливо собирал новые данные, тщательно изучал донесения разведчиков и агентов. И смело, нет, не перечил, а подтверждал правоту разведки и свою.

А 5-й отдел (внешняя разведка) теперь называется 1-е Управление, прообраз будущего Первого главного управления (ПГУ) и Службы внешней разведки (СВР). Дело не в смене названия. Фитин укрепляет Управление новыми кадрами, его подчиненные получают гораздо больше возможностей для самостоятельного свободного маневра.

И все это не стихийные придумки Павла Михайловича. Он действует четко по разработанному им и опытными соратниками плану, который представил за два месяца и два дня до начала войны наркому Лаврентию Берии.

Он не был мягким и податливым, но, превратившись быстрее быстрого в опытного руководителя, четко руководил разраставшимся секретным хозяйством.

Информации в 1-е Управление поступает все больше. Некоторые подчиненные Фитина полагают, что создание им информационной аналитической группы связано с тем, что начальнику не под силу проанализировать все донесения и на их основе принять верные решения. Ничего подобного. Похожий сектор без названия работал и в середине 1930-х, однако исчез. После чисток сотрудников в нем не осталось. Действительно, одному Фитину, пусть и с опытнейшими заместителями, иногда было сложно отделить зерна от плевел. Поток информации возрастал. Сведения подчас поступали противоречивые, не совпадали с переданными из других источников. Это особенно касалось стратегических планов рейха и мало кому понятной позиции Великобритании. Новая, с каждым днем усложнявшаяся ситуация требовала работы аналитиков. Такими и были возглавивший группу опытный разведчик Павел Журавлев, руководитель отдела, работавшего по Германии, и Зоя Рыбкина.

Позже, в 1943 году, когда усилий горстки людей становится недостаточно, группа преобразовывается в аналитический отдел. Первым руководителем, точнее исполняющей обязанности, становится Елена Модржинская (оперативный псевдоним «Марья»), за несколько дней до нападения Гитлера на СССР точно передававшая информацию из Варшавы о планах немцев.

Кстати, с майором госбезопасности Модржинской, потомственной дворянкой, Фитину порой приходилось жестко спорить. До конца жизни своей она была уверена, что «Кембриджская пятерка» – подстава британской разведки. Свои донесения об этом с суровыми выводами и предложениями Елена Дмитриевна вкладывала в личное дело Филби. Кому окончательно поверили только после победы на Курской дуге. Его с Кернкроссом информация о планах вермахта полностью подтвердилась. Фитин с облегчением вынул листочки с обвинениями из папки Филби. И аналитики могут ошибаться. А их начальник Фитин права на ошибку не имел.

Перед битвой на Курской дуге его разведчикам, не только из Британии, но и из других стран, удается сообщить в Центр с точностью до часа о начале планировавшейся гитлеровцами операции.

В первые месяцы работы Фитин почувствовал: молодой разведке нужны опытные кадры. Трудно было без них, работавших за кордоном, знавших языки, умевших находить нужные источники, а также выход из сложнейших ситуаций. Но только не из той, в которой они оказались сами. Сколько невинных, оклеветанных ушли безвозвратно. Многие, осужденные по страшной 58-й статье, мучились в тюрьмах и лагерях. Некоторым, непонятно за что из ЧК выброшенным, «посчастливилось» не сложить голову, работая инженерами, переводчиками, стрелками охраны. Их, выживших, требовалось срочно возвращать в разведку.

Существует несколько версий их чудесного возвращения. Будущий Герой Советского Союза и легендарный партизан Дмитрий Медведев на второй день войны написал об этом Берии. И друг Медведева, имевший доступ к наркому, положил переданное письмо прямо на стол Лаврентия Павловича.

Павел Судоплатов полагал, что решающую роль здесь сыграл именно он. Лично доложил Берии о необходимости привлечения в военное время к работе уволенных и осужденных. Циник Берия даже не расспрашивал, виновны ли те, за кого хлопочет ставший его любимцем Судоплатов. Лишь осведомился, действительно ли они нужны. И проситель ответил твердым «да».

Мне же ближе иное объяснение. Наверное, и письмо Медведева, и просьба Судоплатова свою роль сыграли. Однако настоящим инициатором возвращения посаженных и оклеветанных стал Фитин. Без его убедительной настойчивости, веры в искреннюю честность чекистов старшего поколения вернуть их было бы невозможно. Решающее слово в обращении к Берии осталось за ним – начальником разведки.

Первым из старой когорты появился на седьмом этаже Лубянки Яков Серебрянский. За ним не пришлось идти далеко. Приговоренный 7 июля 1941 года к расстрелу «английский и французский шпион» был помилован и в августе доставлен на руках прямо из лубянского подвала на рабочее место. Сам, избитый, тяжело болевший, идти не мог. Вернули с подмосковной дачи строптивого Медведева. Отозвали с завода инженера, а до этого лучшего радиста НКВД Вильяма Фишера, в будущем известного под псевдонимом Абель. «Простили» настоящего Рудольфа Абеля, подрабатывавшего охранником на складе. Оказали доверие блестящему вербовщику Арнольду Дейчу...

А тех, что не освободили, расстреляли осенью 1941-го, когда сдача Москвы казалась вероятной.

Был у Фитина дар предвидения. До войны и в первые ее месяцы советское руководство было убеждено, что фашисты обязательно применят химическое оружие. Возможно, эти намерения сорвались как раз потому, что разведка заранее о них узнала. И поднятая по всему мира волна остановила Гитлера.

Но Фитин каким-то шестым чувством почуял по обрывочным донесениям, что и немцы, и союзники взялись за изготовление чего-то совсем нового, разрушительного. И уже осенью 1941 года, когда вермахт стоял в одном танковом броске от Москвы, во все резидентуры ушла шифровка: немедленно сообщать любую информацию обо всем, связанном с работой над созданием разрушительного оружия – атомной бомбы. Первыми почти одновременно отозвались Дональд Маклин и Джон Кернкросс из «Кембриджской пятерки». Да, такая работа ведется в США и Великобритании, а Кернкросс даже прислал полный текст доклада специально созданного в Англии «Уранового комитета».

Тогда о том, что при изготовлении атомной бомбы применяется уран, никоим образом не могли догадываться даже специалисты из разведки. И поэтому некоторые сообщения, например о добыче в Норвегии каких-то странных ископаемых для чудо-оружия, были восприняты в Москве с определенным недоверием. Думали, что дезинформация: запугивают немцы, стращают. Но Фитин понял, что дело серьезное. Разведка всю свою мощь сосредоточила на добыче атомных секретов.

Фитин создает группу научно-технической разведки. Ее возглавляет Леонид Квасников. Бывший инженер, он пришел в разведку в 1938 году. И Павел Михайлович понимает: знания этого специалиста из его 5-го отдела могут, должны пригодиться. 1 мая 1940 года Квасников назначается начальником 16-го отделения. Не все даже из близкого Фитину круга поняли, чем будет заниматься небольшая группа, каждый из членов которой получил инженерное образование. Так по собственной инициативе Фитин создал научно-техническую разведку, которой потом выпадет задача провести вместе с оперативными сотрудниками одну из удачнейших (а я считаю – самую удачную) в истории мировой разведки операцию «Энормоз»: добыть из разных стран сведения об атомном оружии.

Фитин доверял Квасникову, считавшему, что создание бомбы может завершиться не через двадцать лет, как его убеждали многие, а уже через два-три года. Первому управлению удалось получить точнейшую информацию: немцы работу свертывают, зато союзники, не ставя СССР в известность, предпринимают громадные и успешные усилия в этом направлении. В 1943 году Квасников – заместитель резидента в Нью-Йорке по научно-технической разведке. Не счесть материалов, добытых в США по атомной тематике. И первое советское «изделие», так называли для конспирации атомную бомбу, успешно испытано не в 1955-м, как предсказывали американцы, а в августе 1949 года. Не расставляя разведку и науку по призовым местам, можно сказать, что их совместная деятельность спасла нашу страну от возможного поражения в грядущей Третьей мировой, которой, благодаря и Фитину, не последовало.

Его роль в операции «Энормоз» до конца не признана. Даже когда в первой половине 1990-х корифеям атомной разведки присвоили звания Героев России, о Фитине как-то не вспомнили.

Ну а в феврале 1943 года Павлу Фитину присвоено звание «комиссар государственной безопасности 3-го ранга». То есть, служи он в армии, к нему бы обращались как к генерал-лейтенанту.

В конце войны почуял он неладное в отношениях с американцами и англичанами. И контакты фашистских бонз, задумавших после заключения сепаратного мира пойти вместе с США и Англией против СССР, были сорваны. Тут сыграли свою роль и донесения из Швейцарии, и развившийся профессиональный нюх, позволявший не ждать, не отбиваться от наседавших англосаксов, а предотвращать удары. Любопытно, что в «Семнадцати мгновениях весны» роль Фитина играет не молодой человек, которым Павел Михайлович и был в войну, а солидный грузноватый актер. Кстати, и отчество, непонятно зачем, персонажу поменяли.

Нельзя недооценивать роль Сталина, Молотова, всей советской дипломатии в успешном проведении Тегеранской, Ялтинской, Потсдамской конференций. Союзники, с которыми велись переговоры об открытии Второго фронта, о будущем Германии и Европы, о вступлении СССР в войну с Японией, дивились провидческому дару советских переговорщиков. Черчилль с Рузвельтом только раскрывали рты, а наши уже знали, о чем пойдет речь, и были готовы к ответу. Затрагивался вопрос, от решения которого зависела судьба СССР, Великобритании, США, а также всего мира, и советские дипломаты со скрупулезным знанием деталей выдвигали свои собственные тезисы по любой проблеме, которая должна была бы заставить их врасплох.

Но сейчас-то, не умаляя ничьей гениальности, давайте признаем: Сталину и его ближайшему окружению разведка преподносила не чуть ли, а буквально на блюдечке горы добытой информации, сообщала о скрытных намерениях союзников. Сценарии переговоров были заранее составлены, действие и наше противодействие разыгрывались не как, а именно по нотам.

Фитин, которому в начале войны было немногим за тридцать, вырос к концу Великой Отечественной не просто в высокопрофессионального разведчика, а в стратега. Он очень многое умел, а сколько всего и обо всех знал и должен был знать по роду своей сугубо засекреченной деятельности!

По-моему, Фитин и занял высшую ступень в разведывательной иерархии во многом благодаря своему скромному, не показному упорству. Будь он кадровым военным, прошедшим суровую школу, сил, а может и мужества, не хватило бы. Муштра выбила бы из него самостоятельность. А так ему верили и разведчики, и генералиссимус с маршалами. Почему не верить, если ошибался он крайне редко? Да, вероятно, Фитин был исключительно удачлив. Без этого разведчику не обойтись. Недаром существует выражение: сильный, а вот не фартовый. Фарта хватало. Но это был именно тот самый фарт, завоеванный на ходу приобретаемыми профессиональными знаниями, умением общаться с людьми, находящимися как вверху, так и в самом низу служебной лестницы. Фитин никого не предавал и никого не отдавал, даже тех, кто совершал ошибки. И это ценили.

Кстати, Фитин, работая в Центре с зарубежными резидентурами, подписывал задания оперативными псевдонимами «Виктор» и «Старик». А «Старику»-то к началу войны исполнилось всего 33 года. Павел Михайлович успешно возглавлял внешнюю разведку все годы войны. Генерал-лейтенант встретил День Победы в полном и заслуженном фаворе у командования.

Тем неожиданнее было отстранение П. М. Фитина от должности начальника Первого главного управления Министерства государственной безопасности СССР. Приказ датирован 15 июня 1946 года.

Опала

Почему? Ясно, что Фитина хотят убрать подальше от Москвы. С явным понижением назначают заместителем уполномоченного Министерства госбезопасности в Советскую оккупационную зону в Германии. Затем, в 1947-м, перебрасывают в Свердловск заместителем начальника областного Управления ГБ. С 1951 по 1953 год Фитин – министр госбезопасности Казахской ССР. 16 марта 1953 года возвращен в Свердловск начальником Управления Министерства внутренних дел по Свердловской области.

Некоторые опытные биографы объясняют это тем, что именно в Свердловске ковался военный потенциал Советского Союза, находились важнейшие военные заводы. И кому, как не Фитину, быть рядом? А в Казахстане шли испытания наших бомб. Звучит не слишком правдоподобно. А что трудился как всегда на высшем уровне, свидетельствует врученная в 1950-м медаль «За боевые заслуги».

Но 16 июля 1953 года Павла Михайловича освободили от должности, вызвали в Москву, заставили давать объяснения. Потом взяли под следствие. Фантастически тупое решение. Что это было? Возможно, его сочли человеком из близкого окружения Берии. Если так, то ошибка произошла катастрофическая. Никогда любимцем Лаврентия Берии Фитин не был. Допускали ли он промахи в работе? Естественно, но не крамольные.

Человека, под руководством которого были добыты секреты атомной бомбы, собирались заклеить врагом народа. К счастью, не заклеили, не арестовали, однако в ноябре уволили из органов с глупейшей формулировкой «за служебное несоответствие». Генеральских звездочек не сорвали, государственных наград не лишили. А в пенсии отказали: прошел всю войну, а выслуги лет гений разведки не имел. Некоторое время прославленный разведчик оставался безработным.

В 1954 году снисходительно доверили пост главного контролера в Министерстве государственного контроля СССР. А когда организацию в 1957-м ликвидировали, Павел Михайлович еще год проработал в заменившей Госконтроль Комиссии советского контроля при Совете министров СССР. Функции ее были размыты, одно название звучит лозунгом с любовью выпестованной Хрущевым бюрократии.

Но «наш» Никита Сергеевич на этом не утомился. Было в Фитине нечто, что пугало необразованного советского главаря. Говорю же, знал он немало. А грехов за главным ком-

мунистом водилось много. С лета 1958 года и до выхода на трудовую скромную пенсию генерал-лейтенант в отставке – директор фотокомбината Союза обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами. Разведчик высочайшего класса не обижался на судьбу. Или не показывал виду, что обижается. Он сделал все, что мог, что дали совершить.

Некоторые друзья от него отвернулись. Хотя какие это друзья. С истинными своими товарищами Вильямом Фишером – Рудольфом Абелем, генерал-майором Василием Зарубиным и генерал-лейтенантом Виталием Павловым встречался постоянно. Не забывали его и уральские земляки. Рассказывают, что с удовольствием играл в теннис на летних динамовских кортах на Петровке. И узнававшие его игроки, ждавшие своей очереди, уступали начальнику разведки право выйти на корт.

Как же все-таки причудливо сложилась судьба Павла Михайловича Фитина. Очень откровенно и трогательно рассказал мне о его последних годах член Совета ветеранов УФСБ России по Свердловской области Евгений Дементьев. Его брат служил с Фитиным в Свердловске, дружил с ним и после опалы, встречался долгие годы в Москве.

– Каким был Фитин? Доступным, понятливым, улыбчивым, умел слушать и слышать, – говорит Дементьев. – Он сразу вошел в нашу жизнь не начальником, а другом. Была у него какая-то жилка, было умение дружить, понимать, чувствовать. И потом, человек он был необычный. Кто тогда в 1953-м слышал о спорте? А Фитин был не только болельщиком, он заставил весь личный состав заниматься спортом и так поднял наше свердловское «Динамо». Но главное не в этом. Люди считали за честь служить у него. Знали о его военных подвигах? Не уверен. Но уважали. А потом вдруг неожиданное увольнение. Что произошло, почему уволили? Вопрос для меня понятный. Изложу свою точку зрения. Фитина не любил Хрущев. Он как раз тогда пришел к власти. Считал Павла Михайловича человеком Берии. Никак он не мог понять, что не все, как он сам, должны состоять в каких-то группировках, быть при ком-то. И Фитин моментально попал во враги народа.

– *Не слишком ли сильное обвинение?*

– Разве только обвинение? Находился даже под следствием. Слава богу, что еще так отделался. Потом переехал в Москву, работал на разных должностях, пока наконец не обосновался на должности начальника фотолаборатории Союза обществ дружбы с зарубежными странами.

– *Да я в курсе. Но, боже мой, как мелко для генерал-лейтенанта, героя войны.*

– А вы знаете, мне казалось, что Павел Михайлович был и этим доволен. Не то слово, что смирился, а просто нашел работу, как следует наладил деятельность всей этой маленькой лаборатории, выпускал продукцию, доставал фото пленку, кстати, иногда подбрасывал ее и брату, и мне тоже. Так до конца и отработал на этой должности.

– *Евгений Петрович, как вы думаете, почему у Фитина не так хорошо сложилось в личной жизни? Были и разводы, и расставания...*

– Ну, не знаю. В Свердловске они были близки со знаменитой конькобежкой Риммой Жуковой. Но когда случилась с Павлом беда, Римма как-то сразу отошла.

– *Они развелись?*

– Нет, брак был гражданский, даже разводиться не пришлось.

– *Но чего испугалась Римма Жукова, знаменитая и прославленная чемпионка и рекордсменка мира? Ей-то чего было бояться?*

– Как чего? Была близка с врагом народа. В то время можно было и загреметь. Но я о другом. К сожалению, Павел Михайлович Фитин – человек, который сделал для государства очень-очень много, был необоснованно забыт.

Павел Михайлович Фитин умер в Москве 24 декабря 1971 года. Самый молодой в истории начальник разведки не дожил до 64-летия четырех дней. На памятнике на Введенском кладбище выбита лаконичная надпись: «Генерал-лейтенант Фитин Павел Михайлович».

И признание

21 июня 2016 года в Екатеринбурге на улице Вайнера состоялось торжественное открытие памятной доски земляку-уральцу Павлу Михайловичу Фитину. Она установлена на здании Управления ФСБ России по Свердловской области.

В октябре 2017 года на территории старинного особняка, что находится в самом центре Москвы на Остоженке, возле здания Пресс-бюро СВР России был открыт памятник начальнику внешней разведки в годы Великой Отечественной войны. Автор скульптуры Андрей Ковальчук.

Сняты документальные фильмы о Фитине. О нем рассказано в книге Александра Бондаренко, вышедшей в издательстве «Молодая гвардия» в серии «Жизнь замечательных людей». Приходило пусть запоздалое, но признание.

Сейчас в честь Фитина называют улицы и горные пики. В феврале 2020-го постановлением Московского правительства проезд с поэтическим именем № 5063, что неподалеку от штаб-квартиры Службы внешней разведки в Ясенева, получил название «Улица Павла Фитина». А одна из вершин хребта Соудор, что в Республике Северная Осетия – Алания, превратилась из безымянной в гору Павла Фитина.

На торжественные мероприятия приглашаются потомки генерал-лейтенанта: внук Андрей Анатольевич Фитин и правнук – Павел Андреевич, названный в честь прадеда.

Хорошо, что, задержавшись на десятилетия, имя Павла Михайловича Фитина заняло достойное место не только в истории внешней разведки, но и в исторической летописи нашей страны. Думаю, восстановить справедливость помогли постоянные усилия Службы внешней разведки. В год 75-летия Победы в Великой Отечественной войне и 100-летия российской разведки Фитину оказаны почести, соразмерные его заслугам перед Родиной.

Историческая справедливость восстановлена. Но как обидно, что не получил при жизни Фитин своей славы. Не удостоен честно заработанного звания Героя. Не вошел в нашу историю еще раньше. Почему такое незаслуженно долгое, недостойное забвение? А сколько маршалов, вспомните Жукова, отправленного в Свердловскую область в 1947 году одновременно с Фитиным, были сосланы куда подальше в послевоенную эпоху. Люди умные, мыслящие нестандартно, они много знали и могли. Этого и боялись. Славно, что полузабытые имена героев медленно, однако выплывают из небытия. Среди них и имя Павла Михайловича Фитина.

День Ангелова: Павел Никитич Ангелов

Как выяснилось полвека спустя, наш институтский преподаватель полковник Павел Никитич Ангелов оказался атомным разведчиком, добывшим для СССР секрет производства урана. С такой фамилией – и в разведку?

Военный перевод преподавался в Московском государственном институте иностранных языков имени Мориса Тереза весьма серьезно. На последних курсах два дня занятий из шести отдавались на переводческом факультете этому непростому предмету. Учили нас офицеры с богатой военной практикой. В конце 1960-х – начале 1970-х годов оставалось среди них и немало участников Великой Отечественной войны, увешанных боевыми орденами.

У этих преподавателей было не сачкануть, да и попытаться разжалобить наших полковников было глупо. Может, потому и военный перевод студенты-переводчики осваивали твердо. Во мне до сих пор сидят все непростые английские и американские военные термины. Разбуди и сейчас посреди ночи, допрошу на английском взятого в плен или сумею перевести характеристики чужого оружия тех времен. Пусть этого в жизни ни разу и не потребовалось, но потерянным временем занятия военным переводом не считаю.

Тем более что преподаватель был у нас отличный – полковник Павел Никитич Ангелов. Китель – в орденских планках. Подтянутый, всегда выбритый, на инязовских вечерах иногда появлялся в штатском и отличался от коллег по военной кафедре непривычной для тех лет элегантностью.

Учебные группы были небольшие, человек по семь-восемь. Мы приветствовали полковника, он аккуратно вешал китель, переворачивал стул, усаживался к нам лицом. И шла работа только на английском, бывало, часов по шесть в день. Язык полковник знал отлично.

Мы участвовали с ним, как бы сказали сейчас, в ролевых играх. Особенно нравилось допрашивать Ангелова, выступавшего в роли англоязычного офицера. Он хитрил, сбивал нас с толку. Хотя сам же и учил, что по «их» уставу ради спасения жизни плененный американец имеет право ответить на некоторые интересующие фронтовую разведку вопросы, так что надо жать и дожимать.

Переводчики – особые люди, убежденные, что их профессия самая лучшая (на что замечу: вот уж нет!). Даже молодые пытались разобраться в нюансах языка. И, не сговариваясь между собой, мы решили, что английский у нашего полковника какой-то не такой. Акцент необычный, даже не американский, чем-то отличающийся от привычного.

В нашем институте задавать лишние вопросы было не принято. Проявишь чрезмерное любопытство и окажешься, как говорили только в Инязе, а не в Англии, *unabroadable* – то есть не имеющим права выезда за границу или, короче, невыездным. Но мой друг, однокашник К., еще в студенческие времена награжденный боевой медалью за смелые переводы под выстрелами на высотах израильско-египетской границы, узнал тайну происхождения полковника.

Наш преподаватель в конце войны служил в военной разведке. И якобы его, нелегала, внедрили в Канаду под видом болгарина. Ведь и Ангелов скорее фамилия болгарская. Работа по атомной проблематике шла успешно. На связи молодого офицера-нелегала было несколько серьезных источников, а один – очень важный. Этот североамериканский ученый, возможно, и передал Ангелову некие секреты, связанные с атомной бомбой.

И все бы было хорошо, если бы предатель из посольства не попросил убежища у американцев. Над многими нашими агентами – верными друзьями – сгустились тучи. Вот и ученого, который помогал Ангелову, арестовали.

А советский нелегал сбежал. Добрался до морского порта как был – в домашних тапочках. Нашел корабль под серпастым флагом, поднялся на борт, и судно тотчас отчалило.

Конечно, после нескольких лет работы в Канаде у полковника остался неслыханный нами (откуда же в ту пору?) канадский акцент.

С годами удалось выяснить: есть в этой инязовской легенде и доля правды. Старший лейтенант Ангелов работал в военном атташате при посольстве СССР в Канаде с августа 1943-го. В 1945-м ему удалось возобновить прерванную связь с действительно важным источником – английским ученым-атомщиком Аланом Нанном Мэем. Тот вступил в компартию Великобритании в 19 лет и, обратите внимание, в 1933 году окончил в Кембридже тот же Тринити-колледж, что и члены «Кембриджской пятерки» во главе с Филби. Случайное совпадение?

Алана Мэя завербовал в начале 1942 года будущий Герой России Ян (Янкель) Черняк. Обязан дать пояснение. Во многих наших и зарубежных изданиях имя Мэя Алан пишется с двумя «л». Это ошибка. В Оксфордском словаре, на который равняются все солидные исследователи (не только разведки), четко написано «Алан» с одним «л».

Полгода сын литейщика Мэй исправно передавал в Лондоне информацию, связанную с получением плутония, Черняку. А чертежи уранового котла с подробными разъяснениями основных принципов работы позволили советским ученым избежать бесчисленных ошибок, американцами и англичанами допущенными.

В январе 1943 года Мэя, физика не из рядовых, перевели в монреальскую лабораторию, которой руководил известный исследователь Джон Кокрофт.

Американцы приглашали к себе в Штаты англичан и великие умы из других стран с четко поставленной целью. Считали, что в развороченном бомбардировками Лондоне, да и вообще в Британии, работа над атомной бомбой ни к чему не приведет, и Англию в этой гонке они опередили настолько, что бриттам их уже не догнать. А главное, чего в конце концов янки и добились, смертельное оружие должно было быть создано на их территории и ими же первыми использовано.

И они перетасили в Северную Америку кого только могли. Теперь как-то забыто, что ученые из не тронутой кровопролитными битвами Канады принимали активное участие в Манхэттенском проекте. Работы велись сразу в нескольких канадских городах, на которые за годы Второй мировой не упало ни одной бомбы. Там было спокойно, тихо, и условия для физиков всех мастей создали идеальные.

Но и живя в Канаде, Алан Мэй сумел сохранить связи с английскими коллегами, трудившимися над теми же атомными проблемами и искавшими те же их решения в Великобритании и Штатах. Несмотря на секретность, ученые переписывались, обменивались новостями на лишь им понятном языке физики. А уж кто-кто, а Мэй понимал его превосходно, схватывая на лету любой намек на некую находку, открытие или неудачу. Да и в исследовательскую лабораторию Монреаля стекалась информация с заводов Оук-Риджа и из суперзасекреченного центра Лос-Аламоса.

Американцы вплотную приблизились к цели. Мы – гнались за ними. И в феврале 1945 года в легальную резидентуру ГРУ в канадской столице Оттаве пришла шифровка из Москвы: «Срочно восстановить связь с доктором физики Аланом Мэем – специалистом по расщеплению ядра».

Однако в конце войны некогда преданный агент под оперативным псевдонимом «Алек», присвоенным ему еще Черняком, больше не горел желанием сотрудничать с Советами. От встреч под всяческими предложениями уклонялся.

И тогда резидент приказал взяться за дело «Бакстеру», он же Павел Ангелов.

Место работы физика было в резидентуре известно. Но идти, звонить туда или поджидать Мэя у входа в монреальскую лабораторию казалось рискованным. Любой, связанный с атомными разработками, мог находиться под контролем канадских спецслужб. В резидентуре подозревали, что за физиками приглядывают и американцы, чувствовавшие себя в Стране кленового листа как дома.

И Ангелов понял: придется наведаться прямо на квартиру Мэя. Прием для военной, да и для любой другой разведки, берегущей себя и своих источников, совершенно не характерный. Но решался вопрос скорейшего, почти любой ценой создания советской атомной бомбы, и порой приходилось идти напролом.

А для начала Ангелов незаметно покинул Оттаву и добрался до Монреаля. Позвонил «Алеку» по домашнему телефону и объяснил: прибыл из Европы и привез подарок от старого, вам хорошо знакомого друга. Встретились утром у Мэя.

Представившись «Ником», Ангелов протянул «Алеку» вещественный пароль. Он был прост: пачка сигарет с названием фирмы, которую Мэй обговаривал заранее еще с Черняком.

Мэй ничего не имел лично против «Ника». Позже, в воспоминаниях, признавался, что пришедший к нему человек был вежлив, сдержан в проявлении эмоций. И еще очень хорошо говорил по-английски. О чем читать лично мне было приятно. Ведь слушатель Павел Ангелов, уже имевший высшее образование, в первые годы войны окончил специальные курсы Института военных переводчиков. Не Иняз, а все равно родственное учебное заведение.

Но разговор поначалу никак не складывался. Мэй упирался, говорил, что и так много сделал, а сейчас чувствует, что попал под колпак контрразведки. Может, действительно устал, был полностью «выжат». Но он изредка приглашался в засекреченные места, где в США и Канаде создавали атомную бомбу – от огромной научно-исследовательской лаборатории в Чикаго до маленьких городишек. По всему миру у него оставались друзья-атомщики, с которыми он ухитрялся поддерживать дружеские контакты. Как же нужен был Алан Мэй советской разведке!

Шла война, в которой все средства давления допускались и поощрялись во имя достижения победы. И Ангелов, действуя очень решительно, порой даже пренебрегая дипломатией, «уговорил» Мэя. Выходить из игры сейчас никак нельзя. «Ник» дал слово, что о связях «Алека» никогда не станет известно. Если они оба будут работать осторожно, «Ник» обеспечит безопасность Мэя.

Отступать тому было некуда. Согласился, спросив, какой помощи ждут от него советские физики. Слово «советские» «Ник» вроде бы пропустил мимо ушей. Но отлично понял намек и сразу ответил, что прежний товарищ из Лондона и его друзья благодарят за важные сведения по атомной проблематике. И чтобы и дальше продолжать также успешно, было бы желательно, чтобы Мэй подготовил к следующей встрече список тем по атомной бомбе, к которым имеет доступ. Предложение «Ника» понравилось Мэю конкретностью. Да и сам визитер, несмотря на молодость, внушал уважение. Что ж, пришлось физику подавить терзавшие его опасения. Договорились встречаться в Монреале.

С мая по сентябрь 1945 года прошло четыре встречи. Ангелов тщательно готовился к каждой. Заранее четко формулировал вопросы, продумывал линию поведения, старался, чтобы беседы продолжались не больше 20 минут, максимум – полчаса. Ангелова радовала пунктуальность англичанина: тот никогда не опаздывал, на вопросы отвечал коротко и конкретно.

И вскоре Алан передал Павлу ценнейшие сведения: общие данные по Манхэттенскому проекту, фамилии ученых и точные адреса американских атомных заводов и лабораторий. А затем молодой офицер получил от агента и срочно переправил в Центр доклад о ядерных исследованиях урана-233 и урана-235. Москва сочла этот документ ценнейшим.

Уран – вот что интересовало разведку и советских физиков. И Мэй «по поручению руководства» своей исследовательской лаборатории осмотрел атомный завод в американском Чикаго. Огромный интерес вызвала информация «Алека» о строившемся новом урановом заводе в Чок-Ривер. Потом, дважды на уже запущенный объект проникнув, вернее посетив его с разрешения своего канадского начальства, он составил детальное описание предприятий, на которых обогащали уран.

Другая информация, добытая Мэем, тоже заслуживает упоминания. К прежним сведениям об урановом котле, переданным еще в Лондоне, добавился доклад знаменитого итальянского физика Энрико Ферми. В 1944 году он стал гражданином США, получив полное и неоспоримое право заниматься изготовлением атомной бомбы в секретнейшей лаборатории Лос-Аламоса. К тому же, будучи научным консультантом нового президента США Трумэна, он отвечал именно за военную часть атомных исследований. В докладе Ферми не только описывался принцип работы уранового котла, но и приводилась его схема.

На встрече с Мэем в июне 1945 года «Ник» получил множество документов. Из них стало понятно, что работы по созданию атомной бомбы близки к завершению. О чем свидетельствовала и схема устройства смертоносного оружия. Среди всего переданного было и особо интересовавшее Москву описание устройства для разделения урана и плутония.

Другая задача, поставленная Центром, виделась практически невыполнимой: добыть образцы обогащенного урана. «Алек» справился и с этим. Передал Ангелову 162 микрограмма образца урана-235 в виде окиси в фольге. Образец Мэй выкрал из монреальской лаборатории. Из Монреаля старлей доставил их в Оттаву.

Авиасообщения между Канадой и СССР открыто не было. И заместителю резидента по оперативной работе подполковнику Павлу Мотинову пришлось проделать долгий путь. Сначала вылететь с ураном (!) в Нью-Йорк, а уже оттуда в Москву.

Дальше попахивает легендой. Риск был смертельный: Мотинов (псевдоним «Ламонт») прятал ампулы в своем поясе. Прямо на летном поле осторожно вручил драгоценность руководителю военной разведки, лично его встречавшему.

Тут и подъехала черная машина с шторками. Из окна появилась протянутая рука, взяла ампулы, и машина исчезла. Подтверждено и задокументировано: образцы попали к куратору советского атомного проекта маршалу Лаврентию Берии. Чтобы понять величайшее значение «урановой посылки», сравним две цифры: 162 микрограмма и 70 микрограмм. Именно столько получили наши ученые во главе с Игорем Курчатовым на следующий день – 5 ноября 1945 года.

А работа Ангелова с «Алеком» продолжалась. Мэй по просьбе своего куратора составил список ученых-атомщиков, которые могли при определенных условиях пойти на контакт с советской разведкой. Объяснил «Нику», что после успешного июльского испытания американцами атомной бомбы в Аламогордо англичане решили продолжить самостоятельную работу над оружием. Судя по этому, Штаты не собирались делиться с друзьями-бриттами технологией изготовления «изделия». В августе 1945 года после атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки дважды на встречах с Ангеловым Мэй сообщал об оценке учеными результатов этих ударов.

Центр был доволен. Просил передать агенту и его куратору, что информация представляет большую ценность.

«Ник» переснимал документы, сидя в машине. Казалось бы, нервотрепка, спешка, но рука старшего лейтенанта ни разу не дрогнула: все фото получались отличного качества. Мэй соблюдал все меры безопасности. А из наших о существовании ценнейшего источника под оперативным псевдонимом «Алек» кроме Ангелова знали лишь двое: резидент Николай Заботин и его первый заместитель Павел Мотинов. Павел Ангелов, выросший в классного профессионала, не допустил в работе с ученым ни единой ошибки. И не их с Мэем вина, что 5 сентября 1945 года неожиданно грянуло. Хотя так ли неожиданно?

Проницательный проверяющий ГРУ полковник, в будущем генерал-лейтенант, Михаил Абрамович Мильштейн, еще в июне 1944 года инспектировавший работу канадской резидентуры, дал резкую оценку «Кларку» – лейтенанту-шифровальщику Игорю Гузенко. Опытному полковнику, кстати, в 1930-х трудившемуся шифровальщиком, не пришлось даже напрягаться, чтобы понять: тот постоянно пьет. И до предела жаден, что при неблагоприятном стечении

обстоятельств может обернуться бедой. В беседе с Мильштейном Гузенко чего-то боялся, а чего-то не понял из его ответов и проверяющий. Чувствовал полковник, что Гузенко неискренен, что он чего-то недоговаривает. И, вернувшись в Москву, сразу предложил отозвать из Канады опасного при такой работе парня.

В Оттаве приказ немного помуржили. А затем резидент военной разведки полковник Николай Иванович Заботин добился его отмены. С Заботиным, наладившим отличную работу резидентуры и за два последних года награжденным орденами Боевого Красного Знамени и Отечественной войны I степени, спорить не стали.

Теперь не узнать, как складывались отношения между Ангеловым и Гузенко. У меня впечатление, что Павел Никитич видел людей насквозь.

В конце концов в августе 1945 года на личный шифр Заботину пришел твердый приказ нового начальника ГРУ генерал-лейтенанта Кузнецова: срок командировки Гузенко закончился, он срочно отзывается домой, замена готова.

Как говорится, ему о нем же: шифрограмму принял сам Гузенко. Он почему-то имел доступ и к шифру резидента. 5 сентября лейтенант Гузенко бежал, прихватив с собой больше сотни секретных документов. Он тотчас передал их канадцам вместе с шифрами и кодами. Хуже того, предатель был и криптографом. Зная принципы работы своих коллег, мог попытаться рассекретить и другие советские шифры.

А наши, как и всегда в подобных случаях, обратились с просьбой к канадскому правительству «задержать Гузенко и его супругу и без всякого суда передать их совпосольству для депортации в СССР». За первой нотой последовала вторая. В них утверждалось, что Гузенко украл при побеге деньги диппредставительства. Неужели ожидали получить иной ответ, чем «о месте пребывания Гузенко канадским властям ничего не известно»?

Сначала о том, почему побег Гузенко стал возможным.

Играя в 1970-е годы за сборную советского представительства в одной азиатской стране, я первое время удивлялся странной заботе о нашем высоченном нападающем. Молодого молчаливого парня привозили в спортзал в не по рангу классной машине. К нам в раздевалку его вводили двое здоровенных ребят, а сразу после игры они же его и выводили, не дав даже попить абджу – пивка после очередной победы.

Секрет раскрыл любитель спорта – шофер посла: «Ну, ты совсем. Это же шифровальщик. Не знаю, как его вообще отпускают». Как доказала жизнь, тот случай был действительно исключительным. Ни в одной стране, где довелось потом побывать, такой вольности не допускали. Шифровальщик – это святая святых разведки. По понятной причине он невольно знает все. И не то что жить, снимая квартиру в городе, а просто выходить за железную калитку посольства ему категорически запрещается даже с женой. Парам или лучше в еще более широкой компании – пожалуйста, но редко, очень редко. Селили только на посольской территории в квартиры, как правило маленькие, ибо в больших живет начальство. Таков закон.

Соблюдался он и в Канаде. Но жену резидента Заботина раздражал постоянный, что днем, что ночью, плач маленького сынишки Гузенко. И тогда любящий муж-резидент поселил в 1943 году начальника шифровального отдела в городе. Что он там делал, с кем общался? Может, были к лакомому, вожающему для любой спецслужбы кусочку вербовочные подходы? Не могли не заметить те, кто этим интересовался, жадности Игоря и его жены.

А Гузенко-«Кларк», что, впрочем, бывает далеко не только среди шифровальщиков, старался угодить своему начальнику, часто с удовольствием или уж без оно, выполняя все совсем не служебные пожелания-приказы резидента и его супруги.

Сложившиеся отношения полного доверия зашли слишком далеко. По строгим правилам некоторые секретные документы подлежат уничтожению. Не знаю, как сейчас, а раньше их сжигали. Заботин перепоручил это неприятно-дымное занятие «Кларку». И Гузенко, отобрав нужные, хранил их у себя. А с тех, что по-прежнему оставались в работе, снимал копии. Сам

признавался: еще с сентября 1944-го, значит, целый год, готовился попросить политическое убежище. Наиболее ценные документы прятал на снимаемой городской квартире в определенном порядке: загибал уголки, чтобы моментально, не теряя времени, выхватить их из толстой стопки.

Резидент и два его зама хранили в сейфе личные дела на канадских агентов. Гузенко легко подобрал шифр к сейфу. Это понятно. Невероятно другое: как, для чего завели дела? Ведь это категорически запрещено!

И личный шифр резидент Заботин передал услужливому шифровальщику вопреки всем запретам. Так что, прочитав приказ об отзыве домой, предатель знал, что делать.

Все эти грубые нарушения подтвердила специальная комиссия, созданная по приказу Сталина. Некоторые члены комиссии предлагали уничтожить Гузенко. С предателями в те годы не церемонились. Могла настичь его пуля советского ликвидатора. Но генералиссимус запретил, и строго. Не время. Да и дело слишком громкое, на весь мир.

Теперь о последствиях предательского побега.

С Заботиным поступили по всей строгости. В первом акте – извинились перед канадцами «за личную инициативу резидента». Во втором – отозвали в Москву, где суд приговорил его, супругу и сына к тюремному заключению. С резидентом понятно. С его супругой – относительно. А за что сына?

Николай Иванович Заботин отсидел до 1953 года и вышел из лагеря на свободу только после смерти Сталина. Красный командир, служивший в РККА с 1921 года и ставший разведчиком, поселился где-то на российской окраине, на границе с Финляндией. В 1957 году скончался. Только недавно о нем вспомнили.

Как обидно. Где-то жалко. Заботин и его коллеги создали в Канаде широкую агентурную сеть. И так глупо, ни на чем, оступились, погорели.

А переправленный из Канады в США, а потом снова вернувшийся в Канаду подонок Гузенко, 1919 года рождения, скончался в 1982-м. Смешно читать, что ушел из-за хронического алкоголизма. Совершить такое и прожить 62 года. Поселился в пригороде Торонто, надеялся еще семерых детей. Его до смерти таскали по пресс-конференциям и международным собраниям, на которых он обличал, клеймил, привычно строил из себя борца против коммунизма.

А канадцы проверяли всё «Кларком» украденное. Это на вопросы полковника Мильштейна он отвечал немногословно. А тут разговорился. Все пять месяцев, что держали его после побега канадцы, вспоминал, добавлял, выдавал.

Стали понятны масштабы деятельности советской разведки, особенно атомной, не только в Канаде, но и в США, Англии да и в некоторых других странах. Волна, точнее девятый вал этого предательства докатился до нейтральной Швейцарии, где по гузенковской наводке арестовали Рудольфа Ресслера (оперативный псевдоним «Люци»), считающегося самым результативным агентом Второй мировой войны и работавшего против Гитлера на Англию, США, Швейцарию и СССР.

Пишу все это и думаю: куда же завело меня повествование об одном из любимых преподавателей Павле Никитиче Ангелове?

А куда завел подлец Гузенко Павла Ангелова, наших агентов в Канаде да и всю советскую разведку? По-моему, не было у нее в XX веке провала чувствительнее этого. Особенно пострадала раскиданная по миру атомная сеть. Она была фактически разгромлена.

Прибывшему в 1948 году в Северную Америку советскому нелегалу «Марку», известному под фамилией Абель, пришлось ее восстанавливать. Но успешно начавшаяся работа не была выполнена до конца – и тоже из-за предательства.

В Канаде произошла полная катастрофа. Данные о количестве арестованных советских агентов разнятся, не совпадают. Остановимся на цифре 19. Прибавим пятерых американцев и англичан, среди них и Алана Нанна Мэя. 11 наших друзей получили различные тюремные

сроки. Один отделался штрафом. Вину еще двенадцати, несмотря на все потуги Гузенко, доказать не смогли из-за отсутствия прямых улик.

Полностью нераскрытым остался единственный наш помощник. Кто скрывался под оперативным псевдонимом «Элли», неизвестно и сегодня.

Так что при первой встрече с Ангеловым Мэй волновался не зря. Думал, все закончилось благополучно, в сентябре 1945 года уехал в родную Англию, читал лекции в Лондоне.

Но в марте 1946-го его арестовали. 1 мая на суде Алан Мэй отверг вину и обвинения в предательстве. В своей речи заявил: «Я всем сердцем уверен, что действовал во имя обеспечения победы над нацистской Германией и Японией и ради дальнейшего использования атомной энергии в мирных целях». Ему дали 10 лет.

По советским источникам – в 1953 году, а по британским – в конце 1952 года за примерное поведение Мэй был выпущен на свободу. Как ни считай, отсидел шесть с половиной лет. Попал в «черный список» с запретом преподавать в британских учебных заведениях.

Зато уже в 1953 году женился и поселился в Гане. Читал лекции, занимался исследованиями в области физики и создал музей науки.

В 1978 году вернулся в Кембридж. Хотя еще в 1945-м Мэй собирался порвать отношения с русскими, он никогда не раскаивался в содеянном. Возможно, именно чувство выполненного долга помогло ему забыть о тюремных мучениях и выпавших на его долю испытаниях. Жил он в согласии с собой и своими пацифистскими идеалами. Дай бог каждому добраться в жизни до 91 года. Мэй скончался от воспаления легких 12 января 2002 года в Кембридже, откуда начинался его путь в науку. И, думаю, в разведку тоже.

Предсмертное письмо Алан Нанн Мэй составил в декабре. Опубликовано оно согласно его воле в 2003 году в газете «Гардиан». Ученый и наш друг признавался, что не жалеет о своей деятельности в годы войны.

Ясно, в чем разница между Мэем и Гузенко. Шифровальщика стубила жадность. А Мэй работал на нас бескорыстно. Привожу отрывок из воспоминаний Мэя в моем переводе: «Как больно мне было действовать так, как велела совесть. Я пошел по этому пути, чтобы внести свой искренний вклад в спасение рода человеческого и его безопасность. Не было в этом никакой моей личной выгоды. Лишь однажды вопреки моему желанию я получил некое количество, не помню какое, долларов».

Всё правда. Павел Ангелов буквально всунул их «на всякий случай» упиравшемуся Мэю. Наверное,годились.

Были же святые люди...

А тогда уже капитан Павел Ангелов вынужден был срочно покинуть Канаду. Ясно, что ни в какую загранкомандировку выехать больше не мог. Оперативная карьера с блеском завершена, хотя Ангелову от этого было не легче. Работал в ГРУ. Потом преподавал у нас.

И совсем не походил на обиженного жизнью человека. Не чинуша и бюрократ, а настоящий полковник. С ним можно было и просто поговорить, и посоветоваться. Павла Никитича избрали парторгом. На этом посту можно было зарываться и зарывать. А полковник помогал.

Однажды в сентябре меня, дурачка-четверокурсника, вызвал на военную кафедру грубый педант-подполковник. Языкам он был необучен, занимался другими делами. Разговор получился короткий, типа: ты чего нарушаешь? Хочешь на всю жизнь стать невыездным? Сделаем. Не понимал я, в чем провинился, где проштрафился.

Выяснилось: виноват по уши. Подрабатывая летом после третьего курса гидом-переводчиком в Интуристе, дал адрес туристам-американцам. И не свой домашний, что категорически запрещалось, а родного института. Вот парочка старичков-туристов и написала мне. Благодарили за интересные экскурсии и хорошо проведенное в Москве время. Письмо попало на военную кафедру, и, как пообещал подполковник, объяснительной запиской мне было никак

не отделаться. Сидевший в уголке Ангелов разговор, вернее хамский рев, услышал, незаметно махнул мне рукой: давай садись, не спорь.

И я по приказу грубияна тут же принялся писать объяснительную. А потом подполковник ушел читать лекцию, как вести себя с иностранцами. Павел Никитич подошел ко мне, подсказал, что надо обязательно не только повиниться, но и понятными для подполковника словами изложить: дал адрес не просто американцам, а верным коммунистам, друзьям СССР, которые и поблагодарили меня за то, что еще лучше узнали страну. Читай между строк: и при моем участии. «И не спорь с этим, не нашим, – приказал он. – Дождись, приветствуй по уставу, оботрись с просьбой выслушать и вручи бумагу».

Что я и сделал. Был прощен! Хотя и отруган по всей строгости никем не писанных, однако действовавших законов. Правда, на практику в зарубежье меня после четвертого курса для профилактики, чтоб знал, не пустили. Не беда, поехал на пятом курсе.

Мне кажется, Ангелов сыграл определенную роль в моей судьбе. А может, я и ошибаюсь. Вглядывался он в своих студентов внимательно.

После пятого курса, вместо того чтобы вместе со всеми сдавать государственные экзамены и защищать диплом, послали меня, переводчика, в третий раз за полгода в капиталистическую страну (по тем временам – рекорд!) в трехнедельную командировку со сборной по парусному спорту в классе «Звездный». Гоняли по фантастическим озерам – в Венгрии, в Югославии. А на двухнедельную закуску – в Италии на озере Гарда на чемпионате Европы.

Вернулся в Москву, переполненный впечатлениями (побывал даже на родине Монтекки и Капулетти – в Вероне) и с мотками фирменной итальянской шерсти, которые отдал счастливой маме.

Сдавал государственные экзамены и защищал диплом в гордом одиночестве. Но был готов, поборол привычный мандраж, поверил в себя. Последним был военный перевод. Вдруг пришел принимать его сам Ангелов. Мы проработали с ним минут сорок. Горжусь его оценкой больше, чем остальными «отл.».

Прошло уже полвека, но я и сейчас помню, как мы приветствовали полковника Ангелова им же в нас и вдолбленным: «Dress right dress. Ready front! Eyes left! Comrade colonel»...

Первый Герой: Герой Советского Союза Владимир Ильич Горовой

Полковник Владимир Горовой – первый Герой Советского Союза из послевоенной разведки.

Еще не так давно рассказывать о нем было нельзя. И только совсем недавно полковника внешней разведки в отставке Владимира Ильича Горового рассекретили. Пока частично. Хотя звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» № 11276 ему было присвоено закрытым указом 47 лет назад, еще 21 декабря 1973 года, за выполнение сложнейшего задания в США, в результате которого советской разведке стали известны строго секретные данные.

– «Золотую Звезду», орден Ленина и Грамоту о присвоении звания мне вручили только после возвращения из загранкомандировки, да и то не сразу. Они хранились в сейфе у председателя КГБ СССР Юрия Владимировича Андропова, – рассказывает Владимир Ильич. – Первоначально мне их только показали во время отпуска и поздравили с наградой. Почему? По соображениям безопасности. Звание было присвоено человеку, ведущему активную работу с группой ценнейших зарубежных агентов. Опасно! Сведения могут как-то просочиться.

– Вы ведь приехали из Штатов в отпуск в феврале 1974 года. Вам до этого сообщали о награде?

– Нет, я ровным счетом ничего не знал. Но через несколько дней после приезда позвонили с работы и предупредили, что вечером за мной придет машина. Зачем – ничего не сказали. Да это и не принято. В назначенное время вышел на улицу – у подъезда стоит автомобиль, но необычный, с антенной на крыше. А в ней начальник Первого главного управления (внешней разведки) Владимир Александрович Крючков. Меня это удивило, так как подробнейший доклад о работе я ему уже сделал. Сел: «Добрый вечер» – «Здравствуйте». Поехали. Крючков молчит, потому что рядом шофер. Приехали на площадь Дзержинского к зданию Комитета государственной безопасности. Тут я подумал, что, наверное, вызвали, как всегда по приезде в отпуск, на доклад к председателю КГБ Андропову, хотя он должен был состояться позднее. И уже перед кабинетом Андропова Крючков приостановился и говорит: «Мы приехали, чтобы объявить вам о награждении вас высшей наградой страны. Сейчас Юрий Владимирович сам вручит ее».

Я присел в приемной, подумал: «Надо будет что-то сказать». Обязательно скажу, что, мол, спасибо, но это награда не только мне, а всей нашей разведке. Я просто как ее маленький винтик делал, как мог, свое дело. Захожу. Андропов у стола. Радужно поздоровался, сесть почему-то не предлагает. Подошел к сейфу и достает из него три алые коробки. «Ну, Горовой, поздравляю, вот твоя награда. Тебе присвоено звание Героя Советского Союза»...

Сказать, что я был удивлен, значит ничего не сказать (после слов Крюčkова подумал, что это, наверное, орден Ленина). Бережно открыл коробочки, полюбовался на «Золотую Звезду» и орден Ленина, прочел грамоту. Начал было ответное обращение, но Андропов, улыбаясь, махнул рукой: «Оставь. Награда дана конкретному человеку за конкретную работу». После теплой непродолжительной беседы спрашивает: «Посмотрел? Ну и хорошо. Давай сюда». Кладет коробки обратно в сейф, поворачивается, протягивает руку. Я в недоумении: «Подождите, а как же...» А он: «До тех пор, пока ты работаешь по этому делу, да еще там, награда будет лежать в моем сейфе. Когда окончательно завершишь работу, тогда свою “Звезду” и получишь». Поэтому получил я эти награды лишь через несколько лет.

– Когда вам вручили их официально?

– Официального вручения не было. Такая вот служебная необходимость. А засекреченность самого факта награждения длилась почти полвека.

– *Вы работали фактически полностью автономно. А кто тогда писал представление?*

– Представление по указанию Крючкова писал Красавин Андрей Васильевич, умнейший чекист, – начальник специально выбранного второстепенного неоперативного отдела, на который в строжайшей изоляции от всех других подразделений разведки было возложено руководство операцией.

Объяснялось это тем, что краеугольной задачей в выполнявшемся задании было обеспечение максимально возможной секретности. Конкретно о существовании ведущейся работы знали помимо резидента в Вашингтоне и его заместителя всего три человека: председатель КГБ Андропов, начальник Первого главного управления Крючков и Красавин. Иногда Крючков ставил в известность в общих чертах своего первого заместителя и начальника американского отдела, в том числе на случай принятия каких-либо срочных решений при его длительном отсутствии. В какой-то степени о наличии ценных источников, но без всякого доступа к их установочным данным, знали также заместитель Красавина и специально подобранный, не сменяемый на протяжении многих лет сотрудник отдела, выполнявший некоторые обязанности по делу. В аппарате разведки по разным причинам (по большей части из-за несоблюдения требований секретности) случаются нарушения режима жесткого ограничения доступа к совершенно секретным делам лиц, не имеющих к ним прямого отношения. Но в данном случае благодаря максимальной зашифровке никто ничего не знал до тех пор, пока Крючков через много лет сам очень сжато, не раскрывая деталей, не рассказал об этом. Но вообще-то надо сказать, что в Центре ряд сотрудников, обеспечивающих техническое, финансовое и канцелярское сопровождение, а также перевод, аналитическую обработку и реализацию, в том числе передачу в другие ведомства материалов, поступающих даже от самых засекреченных и ценных источников, неизбежно получают, хотя и в ограниченной мере, некоторое представление о их содержании. Не менее сложно полностью зашифровать ведение какой-то важной операции и в резидентуре.

– *Владимир Ильич, вам сейчас сколько лет?*

– 13 ноября 2020-го будет 88 лет: человек достаточно пожилой.

– *А в США вы когда приехали?*

– В августе 1969-го. Точнее – 11 августа.

Знакомство

Встретились мы лет пять назад, в общем-то случайно. Или не совсем случайно. Когда приглашают выступить в институте или в школе на уроке памяти, никогда не отказываюсь. Как выяснилось, и Владимир Ильич тоже. А это сближает.

Поехали на встречу на метро. Горовому его лет не дашь. Держится бодро, шагает размашисто. Загорелый. На лацкане – Звезда Героя.

Поговорили со школьниками. Они ребята хорошие, но мало что о нашей истории знают. И мы с Владимиром Ильичом согласились: мы нужны, чтобы рассказать, помочь. Был в 1990-е период, когда держали в неведении, от истории отвращали. И попали в яму. Что ж, надо наверстывать, пока не поздно. Или поздно уже?

Выступал Владимир Ильич уверенно. Рассказал кратко о себе, о значении деятельности разведки: учился в московском Инязе, потом четыре года службы в ГДР переводчиком. По возвращении в 1959 году пригласили в разведку. Дали время подумать, но он согласился сразу: «Почетная работа – защищать страну, раздумывать было не о чем». Закончил знаменитую (теперь) 101-ю школу, которая сейчас Краснознаменная академия имени Ю. В. Андропова. Владеет немецким, английским, французским. Для 1950-х, когда и единственного иностран-

ного языка разведчику хватало, явление нечастое. Затем была командировка в одну из африканских стран. И если кто-то думает, будто Африка – это где-то на задворках разведки, то ошибается. Против них мы не работаем. Суть в том, что там нередко пересекаются интересы наши и главного противника – так тогда называли американцев. Сейчас они – «коллеги» и «партнеры».

Потом командировка в США, в Вашингтон. Прослужил там долго, дольше обычного срока, под легальным посольским прикрытием. Вел разведывательную работу. Мне подумалось: и еще какую, если дали Героя. А вот за что дали, никаких деталей. Но геройская звездочка Горового впечатление производит. Нас слушали, задавали вопросы. Кажется, еще не вся память потеряна и отшиблена?

Так мы и познакомились.

Командировка Владимира Ильича Горового в Вашингтоне пришлась на период, получивший название «разрядка» и наполненный важными событиями в советско-американских отношениях и в развитии международной обстановки. После длительного острого противостояния, особенно в свете Карибского кризиса 1962 года, появились сдвиги в смягчении напряженности между нашими странами. Состоялся обмен государственными визитами на высшем уровне: президента США Ричарда Никсона в СССР в 1972 году и генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева в США – в 1973-м. Наместились существенные подвижки в решении наиболее значимых проблем, велись сложные переговоры, завершившиеся подписанием договоров по противоракетной обороне и по ограничению стратегических вооружений. Было заключено несколько различных соглашений в области двусторонних отношений. Интенсивно готовилось к подписанию Соглашение по безопасности и сотрудничеству в Европе (1968–1975). В 1973 году разразилась война «Судного дня» между коалицией ряда арабских государств и Израилем, вызвавшая острое противостояние между Западом и СССР и резкий, вплоть до угрозы применения силы, отпор со стороны советского руководства. Необходимо было постоянное, точное и детальное информационное освещение хода событий. Условия международной обстановки требовали от советской разведки обеспечить руководство СССР достоверной секретной информацией по всем этим проблемам для принятия верных взвешенных решений.

В этот момент наша разведка располагала исключительными по своей важности источниками для получения столь нужных сведений. Но для максимального использования их возможностей и во избежание в случае провала серьезных негативных последствий для всего процесса наметившейся разрядки работа с ними требовала обеспечения всемерной безопасности, предельной осторожности и максимально возможной зашифровки. Ее выполнение было поручено Владимиру Ильичу.

И длился этот период долгих 13 лет.

Далее была работа на руководящей должности в центральном аппарате разведки. Затем последовали еще две заграничные командировки, в том числе одна длительная, приходившаяся на период лихих девяностых, а в промежутке между командировками – преподавание на курсах усовершенствования руководящего состава в Академии внешней разведки имени Ю. В. Андропова.

После выхода в отставку Владимир Ильич живет в Москве. Ведет общественную работу. Он член правления Межрегиональной общественной организации «Клуб Героев Советского Союза, Героев Российской Федерации и полных кавалеров ордена Славы города Москвы и Московской области» и председатель секции Клуба по ЦАО Москвы, председатель Совета мужества и отваги Общероссийской организации «Офицеры России» и член президиума Общероссийского движения «Сильная Россия».

Имеет награды: медаль «Золотая Звезда», орден Ленина, орден Красного Знамени, медаль «За отвагу», ведомственные награды «Почетный сотрудник государственной безопасности», «За заслуги» и другие.

Вот пока и всё...

Но я верю, что точка не поставлена. Вместо нее – многоточие. Потому что поведать, поверьте, есть о чем. Но разведка, как и подготовка и публикация рассказов о ее Героях, требует терпения.

Жаркое лето в Бейруте: Юрий Николаевич Перфильев

В понедельник, 30 сентября 1985 года в Бейруте произошло небывалое по тем временам событие. Террористы захватили четырех советских заложников. Все четверо – работники нашего посольства.

О том, как проходила уникальная операция по их освобождению, подробно расскажет в этой главе полковник запаса Службы внешней разведки Юрий Николаевич Перфильев. Но прежде, чем дать ему слово, попробую обрисовать сложнейшую обстановку, сложившуюся в этой части Ближневосточного региона.

Гражданская война в Ливане, превратившаяся в кровавую мясорубку, продолжалась уже десятый год. Многочисленные противоборствующие силы боролись за свои интересы и контролировали захваченные земли, не допуская туда врагов настоящих и вымышленных. В ход пускались все средства, которые только могли принести, нет, не победу, а смерть противнику. Палестинцы и ныне не уgomонившаяся «Хезболла», запрещенная в РФ; еще существовавшие тогда коммунистические отряды боевиков, больше похожие на анархистов, и друзья, которые, как полагали в СССР, сражались за правое дело; хорошо вооруженная сирийская армия и самые разные силы шиитов, мусульман, которые постепенно отступали под ударами дисциплинированных сирийцев. Артобстрелы, бои, иногда переходившие в рукопашную, террористические акты. И даже похищение иностранных заложников. Но только не советских.

СССР, в середине 1980-х еще могучий, ухитрявшийся умело маневрировать и находить общий язык с самыми разными группировками, возвышался над этой бойней неприступной скалой. Нас уважали, а если и ненавидели, то старались глубоко запрятать неприязнь, чтобы не показать, не испортить отношений пусть с нелюбимым, однако признанным авторитетом. А еще русских боялись. На Ближнем Востоке СССР по-прежнему признавали неприкасаемым.

И вдруг похищение четырех советских заложников в Бейруте. Дальше слово Перфильеву.

– *Юрий Николаевич, как вы оказались в Ливане? И под каким прикрытием там трудились?*

– Был советником посольства, возглавляя при этом нашу резидентуру. Разведчики США и Англии действовали на Ближнем Востоке с активностью необычайной. Это настолько беспокоило Центр, что с 1975 года нам, в том числе и мне, поручили работать не только по Ливану, но и по всему Ближневосточному региону против главного противника – американцев и англичан.

– *Но, насколько наслышан, четырех наших граждан похитили совсем не они...*

– Шел десятый год гражданской войны. В сентябре 1985-го на севере страны велись ожесточенные бои между мусульманскими экстремистами, группировками Ливана и сирийскими подразделениями. Участвовали в столкновениях и палестинские отряды. Положение палестинцев, ливанских мусульман было крайне тяжелым, безнадежным. И, как нам стало известно чуть позже, именно у палестинцев возникла идея: надо бы воздействовать на Сирию с помощью Советского Союза. Как? Взять в заложники советских граждан. И потребовать от нас нажать на Сирию, чтобы та выпустила палестинцев и тех, кто в тот момент был с ними, из котла. Иначе, это было понятно всем, разгром палестинцев и мусульманских группировок неминуем.

– *Вот уж действительно – решение... Ведь в те годы отношения с Палестиной у них были хорошие, чтобы не сказать дружеские.*

– При той помощи, которую СССР оказывал арабским странам, отношения были исключительно хорошими. Вот почему захват заложников оказался громом среди ясного неба. А ведь до этого советских дипломатов пытались похитить несколько раз. Мы осознали чуть позже, что то были именно попытки похищения, а не просто стремление неизвестных вооруженных людей угнать или отобрать у советских машины, как нам поначалу представлялось. Но нашим удавалось бежать, спрятаться. А 30 сентября 1985-го похищение все-таки состоялось.

– *Вы помните, кого похитили?*

– Еще бы. Секретаря консульского отдела Аркадия Каткова, работника торгпредства Валерия Мырикова, посольского врача Николая Свирского и атташе посольства Олега Спирина. Находились они в разных частях города. Свирский и Катков ехали в одной машине, Мыриков и Спирин – в другой. А похитили как под копирку: блокировали, взяли на мушку автомата, а когда 32-летний мидовец Аркадий Катков выкрикнул нечто вроде «Бежим, Коля!» – то сразу получил автоматную очередь в ногу.

– *Так он же пытался спастись. Что еще оставалось делать?*

– Бедняга Аркадий. Ясно было, что террористы пошли на вооруженный захват, а он в тот момент проявил определенную нервозность, закричал. И перевозбужденные захватчики тут же ответили выстрелом.

– *Как вообще в таких ситуациях поступать? Ведь нервозность здесь вполне естественна.*

– Проще сказать, чем сделать. Ну, нужно соблюдать максимум спокойствия, потому что бежать от пяти автоматов – несерьезно. Вас остановят. Вот и экстремисты остановили Аркадия таким роковым для него способом. Позже у Каткова началась гангрена. Лечить его и не думали. Бандиты Аркадия расстреляли, причем зверски. Всадили множество пуль. И повязали кровью всех, кто был замешан в этом деле. А потом тело Каткова выбросили возле руин разрушенного стадиона в Бейруте. Полиция его нашла и сообщила в посольство.

– *В то время такое похищение было наверняка воспринято в Москве как нечто из ряда вон выходящее. Ведь советских не похищали.*

– В Ливане нет, а в Афганистане, куда в 1979 году вошел наш ограниченный контингент, выкрали одного из бывших помощников премьер-министра Косыгина. Вообще-то наших похищали и раньше, но вскоре отпускали, да еще с извинениями: перепутали с американцами или англичанами. Однако этот захват в Бейруте был явно запланирован, осуществлен с жестокостью. На Ближнем Востоке он стал первым для нас террористическим актом такого рода. В Москве случившееся в Бейруте восприняли именно как событие чрезвычайное. Во-первых, надо освобождать своих. Во-вторых, если оставить без ответа, это откроет дорогу для новых терактов. Заработали, как мы теперь выражаемся, все ветви советской власти. Центральный комитет использовал свои возможности, МИД – свои. Работали военные, разведрезидентуры ряда других стран. Один из сотрудников Центра был немедленно прикомандирован к Арафату, чтобы вести с ним постоянные переговоры об освобождении. Через Москву пошли обращения к лидерам разных государств – к королю Иордании, в Иран, Ливию... Просили помочь, выяснить, но в ответ лишь слова сочувствия, смутные обещания и никаких конкретных шагов.

А непосредственные действия по освобождению вела наша резидентура в Бейруте, к которой были, разумеется, подключены и возможности посольства. Привлекли местную полицию. Сразу после похищения обратились к лидерам Прогрессивной социалистической партии Ливана и коммунистам. Да, это была командная, общая, четко организованная государственная работа.

Очень помог тогда Валид Джумблат. Его отца, лидера соцпартии, убили террористы. И когда в 1985 году они угрожали захватить посольство СССР в Ливане, Валид сразу примчался на помощь. Его танки взяли посольство в кольцо, а хорошо вооруженные бойцы подразделений Джумблата демонстративно показали, что готовы отразить любые атаки экстремистов.

Люди Джумблата вывели и на след похитителей. Удалось выяснить: группа «Силы Халида ибн Аль Валида», названная в честь непобедимого сподвижника пророка и взявшая на себя ответственность за захват, вряд ли существует. Может, она вымышленная? Заказчик и вдохновитель похищения «Хезболла».

– *Какие конкретно требования выдвигали террористы?*

– Требовали срочно повлиять на Сирию. Ее армия вот-вот должна была разгромить боевиков «Хезболлы». И похитители заявили: если Россия не воздействует на Сирию и столкновения на севере Ливана и вокруг Триполи не будут прекращены, то через сутки начнется отстрел ваших заложников. Требовали, чтобы СССР выступил третьей силой. И наши попросили сирийцев пока не наступать на почти что разбитую «Хезболлу». Те просьбу выполнили. Но сообщили, что в похищении участвовали и палестинцы, которые даже после выполнения одного из их главных требований отпустить советских и не собирались.

– *Вот они, наши ученики и друзья.*

– Удалось выяснить и несколько имен – оперативных псевдонимов похитителей. Один, по кличке «Хадж», попал в руки наших друзей. Они с ним не слишком церемонились, обошлись с бандитом без дипломатии. Даже сирийцы были поражены: оказалось, «Хадж» в свое время охранял самого Арафата.

Прошел почти месяц, террористы выдвигали новые и новые условия. Надежд, что освобождение придет само по себе, не оставалось. И мы старались побыстрее установить, кто наших ребят удерживает и где.

– *Как сумели похитить – теперь понятно. Но вот как ухитрились вывезти и прятать в течение целого месяца – это совсем не ясно.*

– Вы говорите «целый месяц». Бывали случаи, когда похищенных удерживали годами. В более короткий срок, чем месяц, захваченных по политическим мотивам людей от экстремистов не освобождали... Еще до похищения наших в Ливане попали в заложники граждане США, Великобритании, Франции.

Октябрь 1985-го летел стремительно. Пойманный «Хадж» раскололся: сначала русских держали в пригороде Бейрута. Затем перевезли на одну из квартир, которую превратили в мини-тюрьму. Там, кстати, содержались не только они: наши узники потом рассказывали, что слышали и английскую речь. Вскоре палестинцы уже не могли своими силами укрывать их в Бейруте и привлекли экстремистов из «Хезболлы». Те действовали изощреннее. Вывезли в другой район. Замотали, как мумий, и, приспособив пространство под днищем грузовика, бросили туда. Ни крикнуть, ни шевельнуться. Содержали в тяжелых условиях. А мы все эти тридцать дней вели в Ливане работу по их освобождению с использованием наших специфических методов.

– *Нельзя ли поподробнее: в чем эти специфические методы заключались?*

– Это использование агентуры как ливанских спецслужб, так и тех организаций, которые могли иметь прямое отношение к захвату. Так нас вывели на лидера ливанской части «Хезболлы» шейха Мухаммада Фадлаллу.

– *На откровенного бандита?*

– Идейного вдохновителя.

– *Подстрекателя и заказчика похищения.*

– А еще автора четырех десятков книг, где он проповедовал свои экстремистские теории. На него вывели друзья. Не знаю уж, правда ли, но сирийцы говорили нам, что то была первая встреча Фадлаллы с представителем иного, не мусульманского мира. Поехали к нему в южный пригород Бейрута с оружием. Затем сдали его, и бородатые охранники угрожающе ухмылялись. В какой-то момент даже показалось, что нам отсюда уже не выбраться. Шейх, разумеется, сделал вид, что к похищению близкие ему силы не причастны, сам он тоже ничего не знает. Я пытался на него давить: вряд ли какая-нибудь иная организация, кроме вашей, рискнула бы поступить таким образом и удерживать иностранных, в первую очередь советских, заложников. Фадлалла, вот циник и лжец, обещал упомянуть их в своих молитвах.

Мы же продолжали идти по следу похитителей. Наступали им буквально на пятки. Агента работала умело. Еще до первой встречи с шейхом мы были готовы вместе с нашими

арабскими друзьями предпринять силовую акцию, штурмовать здание, где, как предполагали, содержались ребята.

Отказались от операции не из страха, а только потому, что не сумели бы пробиться к своим через несколько колец вооруженной охраны – экстремисты успели бы ребят уничтожить.

И во время второй моей встречи с шейхом я применил недозволенный прием. Из Центра пришло указание «принять все возможные меры для освобождения советских сотрудников». И я, вроде бы получив карт-бланш, заявил моему бородатому собеседнику: великая держава проявила максимум терпения, но всему может прийти конец. А что если при каких-то учебных стрельбах ракета одной из прекрасно вооруженных стран вдруг отклонится от заданной траектории и упадет в непредвиденное место? Например, на город Кум, считающийся даже в Иране центром поклонения.

– *Не раз бывал в этом священном для шиитов месте. Именно оттуда руководил Ираном, и не только им, духовный лидер аятолла Хомейни.*

– Напоминание о возможном, пусть и непреднамеренном и чисто случайном попадании ракеты в его резиденцию произвело впечатление. Я со вздохом повторил, что все это может привести к тяжелейшим последствиям.

– *И что шейх Фадлалла?*

– Он крепко задумался. Я чувствовал, что мы дожимаем похитителей.

– *Не боялись, что вас захватят, как тех четверых?*

– Боялся. Но за мною была страна, которая билась за каждого из заложников. Не звучит чересчур уж патетично?

– *Да нет. Нормально. Если бы мы вот так дрались за наших заложников сегодня.*

– Шейху же я сказал, было это где-то 28 октября: чтобы не случилось ничего непредсказуемого, будем вместе надеяться, что к нашему празднику 7 Ноября заложники окажутся на свободе. Больше ждать мы не намерены. Тот напрягся, помолчал, а затем ответил, что тоже надеется на помощь Аллаха в наших трудах. Когда мы вышли, помощник моего собеседника шепнул: «С шейхом так никто и никогда не разговаривал...» Значит, пришел черед поговорить именно так. Через два дня заложники были освобождены.

Раньше это было основой основ: мы все, и очень согласованно, должны выступать в защиту граждан, попавших в беду вдали от дома. Сейчас такая система, как я понимаю, вновь воссоздана и действует.

– *Знаете ли вы случаи, когда наши заложники освобождались силой? И были ли такие возможности у наших спецслужб? Существовали в их рядах специальные подразделения?*

– Силой, насколько я в курсе, заложники не освобождались. Возможностями же проведения таких операций собственными силами наша разведка располагала. Но, откровенно говоря, я не думаю, что в том конкретном случае они были бы нужны.

– *Возвращаемся в октябрь 1985-го. Как наших освобожденных ребят доставили в Бейрут? И сколько же пришлось преодолеть постов, блоков...*

– Их привезли из долины Бекаа. Тот же способ: грузовичок, разобранный днище, заматывали будто мумий. А на постах люди обычно друг друга знают. В Бейруте выбросили из машины, развязали глаза и уехали. Наши сориентировались, побрели по направлению к посольству. Туда и пришли в своих разодранных рубашках. Обращались похитители с ними скверно. Были истощены. Пограничники, охранявшие здание, ребят не узнали, не хотели пускать.

– *Существуют и несколько иные версии всей этой истории...*

– Будто мы кого-то резали, «фаршировали»? Это элементы, которые приписываются большинству спецопераций. Но такого – не было. Определенные силовые акции проводились с нашего, разумеется, согласия со стороны друзей из Прогрессивной социалистической партии.

– *Нельзя было решить вопрос более кардинально? К тому времени уже существовал «Вымпел».*

– И как вы это себе представляете? В чужой стране высаживается наш спецназ и вступает в схватку с террористами? В принципе, подчеркиваю: в принципе, чисто гипотетически такое возможно. Но все же скорее в кино. В Афганистане у нас были войска. В Ливане – ничего похожего. И как бы отнеслись там, развернись в Бейруте для нас – операция по освобождению, а для них-то – в определенном смысле диверсия в чужой стране на их территории.

– *Говорили, будто были арестованы родственники одного из похитителей.*

– Не были. Правда, в первый же день после захвата в ходе контроля автотранспорта был – я подчеркиваю – случайно убит брат организатора похищения. Но к тому моменту ни единого имени похитителей мы еще не знали. Однако легенда зародилась. Позже нам действительно удалось выяснить имена...

– *Каким образом?*

– Через ливанскую агентуру. Глубже вдаваться в подробности не имею права. Нам поступала масса информации, мы ее проверяли и прорабатывали новые и новые версии. С помощью ливанцев получили доступ к шифрам «Хезболла». Какой-то добрый арабский молодец из контрразведки вступил ли в связь или, уж не знаю, очаровал секретаршу или шифровальщицу из «Хезболла». Та передала ему коды, и мы приблизительно понимали, какой оборот принимают события. Все свидетельствовало: исключительно серьезный. Фанатики готовы на крайние меры, пощады нашим ждать нечего.

– *А как строились отношения с Арафатом?*

– Он, испортив отношения с некоторыми из наиболее экстремистски настроенных направлений Организации освобождения Палестины, уже года два как отсиживался в Тунисе. С ним моментально связались, и Ясир Арафат обещал принять все меры, чтобы в кратчайший срок вытянуть наших ребят. Предложил нам работать с его эмиссаром. Тот должен был помочь вытянуть заложников. Но самое интересное оказалось в том, что имя этого палестинца назвала нам потом и агентура.

– *Чья?*

– Наша, конечно. Этот эмиссар и организовал похищение. Для Арафата же он был лицом доверенным. А с ним, жившим в ту пору на тунисском отшибе, акцию не обсуждали и советов не просили. Арафат без всякого на то своего желания превратился в своеобразного заложника экстремистов... А те, продержав какое-то время наших парней в Бейруте, поняли, что больше удерживать их не смогут, такая за палестинцами началась охота. И пришлось им идти на поклон к «Хезболла» – экстремистам из экстремистов. Арафат уже был в курсе, но и пальцем не пошевелил, чтобы помочь.

– *Но почему? Советский Союз всегда оказывал Арафату дипломатическую поддержку, сколько речей в защиту ООП произносилось в ООН и сколько более существенного – оружия – палестинцам бесплатно поставлено. Теперь ведь мы, верные друзья, могли бы его послать куда подальше, поддержать кого-то другого из палестинских вожжаков. Ведь среди них грызня за власть, теперь-то об этом сказать можно, велась постоянно, и порой кровавая.*

– Ради удержания власти Арафат был готов на все. Как раз в тот момент такая позиция боевиков совпала с его политическими интересами. Палестинский лидер постоянно звонил мне из Туниса в Бейрут в два-три ночи: «Как там ситуация?» Обращался не иначе как к другу, клялся, что он советских товарищей в беде не бросает. Обещал послать нам на подмогу двух своих верных людей. Когда я услышал их имена, честное слово, вздрогнул: один, не буду называть фамилию, и возглавлял бандитскую группу захвата. Так что в контакте мы находились тесном. Сами понимаете, каком.

Некоторое время заложники содержались в лагере. И к нам попал перехват телефонного разговора палестинского лидера с начальником этого лагеря. Тот спрашивал: как поступать с

русскими дальше – освобождать или не освобождать? И получил указание Арафата: никого не освобождать до получения моих гарантий.

– *Ничего себе друг советского народа. Ну просто двуликий Янус.*

– Был вынужден вести сложную игру, демонстрировать былое могущество. Арафат сделал заявление, что договорился об освобождении, заплатил за это 100 тысяч долларов, потом сумма выкупа подскочила до 15 миллионов. И многие наши руководители, даже свято в Арафата веровавшие, поняли, что он блефует. Не было у него таких денег. А к тому времени неподвластные Арафату палестинцы уже передали советских пленников в руки «Хезболла». Те разыгрывали собственную карту, с мнением лидера палестинцев им считаться не хотелось. Но Арафату надо было играть в свою игру, отстаивать авторитет. И он часто выступал с заявлением: я в курсе дел, я договорился, я все контролирую, и вот-вот советских освободят под мои гарантии...

– *Вы не боялись, что похитители попытаются каким-то образом воздействовать на заложников? Может, перевербовать, обратить в ислам? В Афганистане подобное бывало.*

– Это исключалось. Люди, их захватившие, по своему интеллекту были гораздо ниже... Никакой работы по обработке вести не могло и не велось. Они и захватили-то эту четверку наугад, случайно.

Заложник стал предателем

– *Как сложилась судьба этих людей после освобождения?*

– Катков погиб, остальные трое были отправлены в Москву. Доктор Свирский и Мыриков из торгпредства после этого вновь выезжали в заграникомандировки. А вот с Олегом Спириным случилась история, для нас неприятная.

– *Для кого – для «нас»? Он что, был сотрудником разведки?*

– Точно. И он, и Мыриков. Вернувшись из Ливана, Спирин пять лет проработал в Центре. Молодой и, казалось мне, приятный парень немного за тридцать. Отправили его в командировку в Кувейт. Работа шла у него там не слишком ладно и не очень активно. Но каких-то неприятных событий вроде бы ничто не предвещало. И когда Спирин исчез, это стало для сотрудников шоком.

– *Обычно, исчезнув, перебежчики всплывают где-нибудь в США или в Англии.*

– Так произошло и с майором Спириным. Из Кувейта его семью сразу отправили самолетом в Англию, оттуда – в США. Судьбу его мы отслеживали. Одно время он жил в Штатах.

– *Юрий Николаевич, вот это поворот: разведка – плен – освобождение – разведка – предательство. Как в вашем ведомстве объяснили этот побег?*

– У меня такое объяснение: дрогнула жена. Она, как я понимаю, не захотела возвращаться в СССР, ушла первой. И Спирин осознал: в Москве ему этого не простят, карьера завершена. Он решился. Часто об этом уходе вспоминаю. Больно, когда предадут...

Кого нашли награды

– *Давайте попробуем внести в нашу беседу мажорные ноты. В ту пору за такие подвиги было принято награждать отличившихся. Как отметили вас?*

– Будем считать, что ирония в вашем вопросе мне только послышалась. Позвольте мне еще раз с гордостью заметить: операция в Бейруте – это едва ли не единственный в международной практике случай столь быстрого освобождения заложников. Граждане Англии, Франции провели в ливанском плену по нескольку лет, американский журналист Терри Андерсон – все восемь. А насчет награждения... Тогда действительно было чему улыбнуться.

В наградном списке по линии МИДа оказалось свыше ста героев. Даже старое Политбюро, которое привыкло награждать всех подряд, вернуло документ, отметив: слишком уж лихо. И председатель КГБ СССР Виктор Михайлович Чебриков, понятно, знавший все детали операции по освобождению, сам представил список восьми своих сотрудников. Наградили орденами Красного Знамени, Красной Звезды; водитель, проявивший мужество, получил медаль...

– Ну а вы?

– Я – орден Красного Знамени.

– А есть у вас еще боевые награды?

– Есть. В разведке я работал долго – до 1995 года. Но это – тема отдельного разговора. Время для него еще не наступило.

О Каткове не забыли

Со Спириным, увы, ясно. А как сложилась жизнь трех других заложников?

Мыриков продолжил работу в ПГУ. Доктор Свирский врачевал, выезжая и за границу.

А о семье Аркадия Каткова позаботилась Родина. Началась перестройка, уже близок был распад Союза, пустели казна и полки магазинов, но семье погибшего до 1991 года регулярно выплачивали такую нужную пенсию. Ведь дочери Каткова Марине в 1985 году было тогда всего восемь лет. А когда СССР не стало, родным выдали разовое пособие – полтысячи долларов. Для той поры всеобщего обнищания, оцепенения, впадения в некое беспмятство и эта сумма выглядела относительно пристойно. Когда Марина поступила в институт, получала до его окончания небольшое пособие от МИДа.

Годы спустя Марина Каткова вместе с мужем приехала в Бейрут. Там в посольстве России установлена мраморная доска, напоминающая о трагической гибели ее отца – 32-летнего дипломата Аркадия Каткова.

Другая версия

Прошло два десятилетия после встречи с полковником Перфильевым. Тогда он много недоговорил. Нельзя было. А несколько лет назад, словно отлежавшись в строгой тишине, появились новые версии случившегося в октябре 1985 года.

Еще один очевидец, можно сказать, даже участник тех событий, взяв с меня слово никогда не называть его имени, поведал мне эту историю в своей интерпретации. Человека этого, смелого, решительного, жесткого, уже нет. Версия, которую ни подтвердить, ни опровергнуть, осталась. Никак не претендуя на стопроцентную достоверность, приведу и ее.

После покушения, как и рассказывал полковник Перфильев, ливанскими друзьями, читай: дружественной нам спецслужбой, был захвачен боевик под оперативным псевдонимом «Хадж», который во многом и вывел на похитителей.

А до этого, как подчеркивалось, совершенно случайно был убит один из нападавших, а также брат другого. Все это было как-то неопределенно, туманно.

Действительно ли случайность? Те двое входили в экстремистскую группировку, за которой охотились сирийцы. Были окружены, отстреливались...

И почти сразу же вышли на родственников похитителей. Их с пристрастием, не вдаваясь в рассказанные мне подробности, допросили. Люди из ливанской группировки, нас поддерживавшие, были с ними не жестки, а жестоки. Труп одного из бандитов нашли родственники у входа в его жилище. По словам моего собеседника, тело, особенно некоторые его части и голова, было обезображено. Детали не привожу. Они не только не для печати, но и не для слабонервных. Советские, российские чекисты такими методами никогда не пользовались. Спец-

служба ливанской группировки жалости не признавала. Тем более убитый – брат или какой-то близкий родственник их заклятого врага, возглавлявшего захват заложников.

К одежде уничтоженного бандита приколоты записка. Если русских не освободят, то вскоре точно так же покончат и с другим пойманным налетчиком, тоже родственником главаря. В записке назвали еще нескольких участвовавших или причастных к покушению, упомянув, что их ждет такое же наказание.

И террористы задумались. Они обещали расстреливать оставшихся троих заложников одного за другим, но испугались, взяли паузу.

А советская сторона обходила вопрос расправы с экстремистом молчанием. И хотя в этом никак не участвовала, как объяснял мне компетентный собеседник, акт возмездия, совершенный дружественной СССР группировкой, не подтверждала. Однако и не отрицала.

Все это вместе с усилиями советской разведки, дипломатии, двумя визитами полковника Перфильева к шейху доказало бандитам: ситуация накалилась невероятно. До такой степени, что вопреки правилам, по которым действовали обычно все, добивавшиеся освобождения заложников, церемониться с «Хезболла» не будут. Не привыкли террористы, что их не просят, не уговаривают, а действуют с позиции силы. Надо идти на уступки.

И пошли...

Арафат похож на лисицу

Дважды приходилось встречаться с Ясиром Арафатом. Однажды отобедать в особняке для приемов. Относился я к нему с неким предубеждением. Цели возглавляемой им ООП в принципе понятны, вызывают определенное уважение: борьба за независимость, национальное освобождение, предоставление прав его несчастному народу. Но способы борьбы, к которым прибегали его сторонники, часто не имели ничего общего с легитимностью. За годы правления Ясир Арафат сумел внушить многим, что нелегитимные методы, им применяемые, являются законными атрибутами политической борьбы. Нападения на мирных жителей, захват заложников, терроризм в глазах многих стали справедливым ответом на лишения гонимого народа. С 1957 года, когда Арафат вступил в борьбу, до самой своей кончины в 2004-м он внушил определенной части мирового сообщества, что борется за свободу и справедливость, пусть и перевернув все привычные понятия.

Кем же был Арафат? Никакая куфия (мужской арабский платок), неизменно покрывавшая голову, не могла скрыть его светскости. Даже для виду не пытался хотя бы пригубить алкоголь. Внимательно, с доброй улыбкой слушал других. Вступая в беседу, удивлял искренней вежливостью, которую и против него предубежденные никак не могли принять за напускную. За столом его английский, казавшийся в другой обстановке несколько примитивным, звучал весьма элегантно, даже изысканно. Когда в конце затянувшегося обеда пришла неизбежная пора анекдотов, трезвехонький Ясир Арафат порадовал парой-тройкой изысканных, очень смешных историй, никакого отношения к скабрёзности или антисемитизму не имеющих.

Кстати, сам он был очень похож на пожилого еврея. Интересно, что в одной из своих книг об этом упоминал и прекрасно с лидером ООП знакомый академик Евгений Максимович Примаков.

В общении Арафат оказался приятнейшим собеседником. В жизни... Не знаю. Абсолютно не согласен с теми, кто считает, что в борьбе за справедливость хороши все средства.

«Гиена» был рядом

Остается прояснить еще один важный вопрос: кто же непосредственно руководил операцией по захвату заложников? Его оперативный псевдоним мелькнул в беседе с полковником

Перфильевым – «Гиена». Спустя несколько лет о нем подробнее рассказал соратник полковника по службе.

«Гиена» – это Имад Мугния. Сколько же преступлений совершил этот экстремист из экстремистов, самозванный палач!

– Именно он командовал группой бандитов из «Хезболла», захвативших наших заложников.

– «Гиена» ранил дипломата Аркадия Каткова, а потом убил, изрешетив автоматной очередью.

– Это родственников Имада Мугнии «случайно» захватили помогавшие нам сотрудники одной из ливанских спецслужб.

– Его имя засекли сотрудники сирийской контрразведки, расшифровавшие переговоры террористов.

– После уничтожения одной из спецслужб Сирии его родного брата Мугния под напором шейха Фадлалла отпустил трех оставшихся в живых советских заложников.

Факт, меня поразивший: в сентябре 1985 года «Гиене» не исполнилось и двадцати трех лет. Никакой не боец за права шиитов, а фанатик, изверг, садист. В 13 лет сын ливанского торговца овощами из города Тира вступил в ООП. Был замечен Ясиром Арафатом, одно время находился в группе его телохранителей.

Стал снайпером, расстрелял немало христиан, живших рядом с его родными местами в Южном Ливане. Вскоре политика Арафата стала лишь раздражать «Гиену». Примкнув к «Хезболла», он в апреле 1983 года взорвал консульство США в Бейруте, тогда погибло 63 человека.

Мугния неплохо говорил по-английски. Некоторые источники полагают, что это помогло ему каким-то образом выйти на людей полковника Уильяма Бакли, знавшего резидента ЦРУ в Ливане. 15 марта 1985 года Мугния похитил резидента и назначил цену за его освобождение. Американцы передали требуемые «Гиеной» 200 тысяч долларов, а Уильям Бакли словно исчез, растворился. Только через некоторое время Имад Мугния поместил в одном из изданий экстремистов фотографию Бакли – вернее, его трупа. Перед тем как застрелить полковника-американца, «Гиена» зверски пытал его.

А еще он уничтожал мирных жителей Израиля. Взрывал казармы французских и американских миротворцев в Ливане – число жертв исчислялось сотнями. Его люди, вернее нелюди, захватили самолет с пассажирами.

Вот с кем схватились и кого одолели наши разведчики вместе с друзьями в сентябре 1985 года в Бейруте.

Американцы объявили огромное вознаграждение за поимку террориста «Гиены» – два миллиона долларов. Всё напрасно. Возможно, они заплатили бы еще больше любому, кто сумел бы вывести на след бандита номер один, если бы знали, что будет дальше. Теперь, проведя скрупулезные расследования, спецслужбы США считают именно Имада Файеза Мугнию одним из главных организаторов террористических актов 11 сентября 2001 года, потрясших Америку. Якобы согласие на их проведение «Гиене» дал глава «Аль-Каиды» (запрещена в РФ) Усама бен Ладен.

Да и получив хорошенько по зубам от нас в сентябре 1985-го, «Гиена» вновь решился провести теракт, на этот раз против России. В 2000 году атаке террористов подверглось российское посольство в том же Бейруте.

Возможно, повторяю: возможно, оставил убийца след и на российской земле. «Гиена» одним из первых в «Аль-Каиде» взялся за подготовку террористов-смертников. Несколько таких шахидов объявилось в тревожные годы в Чечне.

Долго на след международного террориста-убийцы не могла выйти ни одна из спецслужб мира. Творил черные дела, оставался неуловимым, все больше матерел и наглел.

Уверен, лет через десять, не раньше, выплывет истинная, а не вымышленная (каких сегодня немало) история уничтожения «Гиены». Пока лишь точные факты. В 11 часов 12 февраля 2008 года автомобиль «Гиены» с охранниками был взорван в пригороде Дамаска.

Кто совершил не убийство, а акт справедливейшего возмездия над палачом? Неизвестно. Ни одна организация, группа, спецслужба не заявила о своем участии или хотя бы сопричастности. Главное – с фанатичным убийцей было покончено.

Приказ спасти французов: полковник «Иван Иванович Иванов»

Наши спецслужбы спасали не только своих соотечественников, захваченных в заложники. В 1995 году они вытащили из лап террористов двух французских пилотов, сбитых над бывшей Югославией.

В истории мировой политики такое бывало. В интересах дела отдельные вопросы отношений России с другими странами решались на уровне спецслужб. Факты эти не афишировались и вряд ли когда-либо станут известными. Теперь гриф секретности с одной из таких операций снят.

Этому прошедшему почти незамеченным эпизоду в истории российско-французских отношений уже четверть века. Тогда, пожалуй, впервые спецслужбы двух стран работали в таком тесном контакте.

Шел 1995 год. В Боснии и Герцеговине, одной из воюющих республик некогда процветающей и единой Югославии, бушевала война. Сербь, хорваты и бошняки-мусульмане пытались разрешить противоречия силой оружия. А западные державы и их союзники пришли на помощь именно тем, кто и разваливал страну: бомбили сербские города и села.

30 августа 1995 года при бомбардировке позиций армии Республики Сербской в небе над воюющей Боснией был сбит французский самолет «Мираж-2000». Его пилоты Фредерик Шиффо и Жозе Совеньи, как посчитала французская разведка, скорее всего погибли.

Однако в сербской прессе никаких сообщений о судьбе натовских летчиков не появилось. Они словно исчезли, а официальные лица Сербии и Республики Сербской на запросы Парижа сказать ничего не могли.

А что если летчики всё же живы? И президент Франции Жак Ширак 26 сентября попросил президента Сербии Слободана Милошевича выяснить судьбу пилотов. Но Милошевич ответил, что у него большие сложности в отношении с боснийскими сербами и помочь он не сможет.

Французы попытались использовать свою агентуру и спецслужбы западных союзников. Американских разведчиков на территории Боснии было особенно много. Однако никакой достоверной информации о сбитых пилотах французы и американцы получить не смогли. Мелькнула версия, будто пилоты расстреляны захватившими их сербами.

И тогда 1 октября 1995 года настойчивый Жак Ширак обратился к российскому президенту Борису Ельцину, находившемуся с визитом во Франции, с просьбой привлечь российскую разведку. Нельзя ли выяснить судьбу пилотов и, возможно, найти пути к их освобождению?

Ельцин согласился, дал указание руководителям российских спецслужб. В резидентуры Службы внешней разведки России в странах этого региона ушла из Центра телеграмма с требованием подключиться и помочь.

А в Москву из Парижа прибыл специальный посланник президента Франции Жак Шарль Маркиани, представленный как заместитель директора французской разведки. Он и договорился с директором ФСБ генералом Михаилом Ивановичем Барсуковым о том, как будет происходить взаимодействие спецслужб.

В Белград для координации совместных усилий с французами был командирован представитель ФСБ полковник Кулиш. Представившись сербам как официальный представитель непосредственно президента России, он добился того, чтобы официальные чиновники на всех уровнях вели с российскими офицерами серьезные переговоры.

Не стоит скрывать: российская разведка располагала хорошими оперативными возможностями в воевавших республиках. Всю работу организовывал опытный разведчик – резидент СВР в Белграде генерал-лейтенант Владимир Павлович Зайцев. Личность легендарная. Он работал в Бейруте и получил там тяжелое ранение. Затем в самые сложные годы долго трудился в Кабуле. В Югославию попал в период ее распада. Ответственным за операцию по поиску французов Зайцев назначил своего зама – представителя подразделения внешней контрразведки полковника Ивана Ивановича Иванова. Именно он взаимодействовал с Кулишом и Маркиани.

Честно признаться, задание Центра было воспринято нашими разведчиками без особого энтузиазма. Свободного времени в тот самый сложный военный период у них практически не было. Кроме того, предстояло преодолеть и психологическое нежелание тратить силы на розыск пилотов НАТО, бомбивших ни в чем не повинных людей.

Не понимали этого задания и помощники нашей резидентуры из числа сербов. Каковы мотивы русских? Надо ли спасать тех, кто разорял их землю?

Определенную необычность ситуации придавало и то, что подразделение внешней контрразведки СВР России имеет вполне определенные задачи: противодействовать западным спецслужбам и защищать наши заграничные представительства и граждан за рубежом. А тут помогай спецслужбам Франции в спасении их пилотов!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.